

СМЕНА №2

ИЗДАНИЕ
КОМСОМОЛЬСКОЕ ПРАВДА

НА XVII ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

Президиум XVII партконференции
Тов. Серго Орджоникидзе делает доклад

Зал заседаний XVII партконференции
В первом ряду гг. Крупная, Шлихтер, Феликс Кон

Евг. ПАВЛИЧЕНКО

ПАМЯТЬ

И в этом году,
как и в те,
Снегами,
Морозом и стужей,
В вечерней проядет
темноте,
Тоску рассыпая
все ту же,
Январь!
Но часы и число
Сквозь грохот,
мятели и стужи,
По-новому к нам
принесли
По силе и всеоружью!
Наш враг
Осторожней и злей
Стал
с двадцать четвертого года.
Но широко
колхозных полей,
но крепкой,
железной породой
Зв годом
в нахлынувший год
Мы свой
продолжаем поход.
Налажен
кирпич к кирпичу,
Тавровая —
плотно к тавровой,
Плечо — на поверье —
к плечу,

И улица —
к улице новой.
С тех пор
нашу карту наляз
По-старому анать —
не узнать!
То нашей работы,
друзья,
Стремительность
и крутизна —
По всей,
по огромной стране,
И мы
И вожди —
наравне —
Ударники, сил не жалея,
В три смены
в великом бою
Страну
расправляем свою
И строим
вокруг мавзолея!
У партии
поступь твердая.
И в хватке
рабочего класса —
Состая за составом
руда с-Урала
и уголь с Донбасса.
За вальсью
насыпь лега,
Натянуты рельсы на шпалды!
Не будет такого угла

На карте,
где жизнь
не дышала б!
Салотом —
над водами рыбь —
И скалы,
и пустоши раутся.
И крепнет
строительством
штаб —
Исток
мировой революции!
Так вот она —
память!
Верна
приказам и планам
страна!
Заката
руками миллионов, —
Сердцаным
миллионов в ладу —
К любому готова труду.
Готова к любой обороне.
И в этом году,
как и в те,
Гудки
заведут в темноте
Восхелную в кровь —
как привычу! —
На тысячи верст
перекличку.
Но трем поколеньям
страны

И грохоче
И дальне слышны
Раскаты!
тоски и тревоги:
То тысячи
новых гудков
С заводов,
и пароходов,
И новой железной дорога.
Так вот она,
Память труда:
Умом
и глазами твоими
Полны
проносящие имя
Сквозь
время, победы и зимы
И люди
и города.
По всей
По огромной стране
И мы —
И вожди наравне —
Ударники,
сил не жалея,
В три смены
в упорном бою
Страну
укрепляем свою,
Как память
вокруг мавзолея.
Москва.

НАШЕ ЗНАМЯ ЛЕНИН

Ленинские дни заключительного года социалистической пятилетки, с которыми исполком ЦКМ сочетает проведение массовой кампании ЛЛЛ (Ленин, Либкнехт, Люксембург) в этом году приобретает особое значение.

Прирак коммунизма бродит по всему капиталистическому миру, власто и неутомимо. Он одолевает в крош и плоть рабочего движения, массовые стачки, бурные демонстрации, рабочие баррикады. Прирак коммунизма глядит на буржуа из-за колонн армий безработных в каждой капиталистической стране и грозит ежедневно, ежедневно устоям буржуазных государств.

Кризис, длившийся уже годы, не судит капиталистам никаких надежд вперед, никаких выходов, никаких грядущих «приспирити». Неудержимо катятся в пропасть мировые империалистические учреждения — банки, образовательные учреждения — школы, больницы, закрываются фабрики и заводы, разоряются фермеры и торговцы. Все тандит за собой под гору костяная рука кризиса.

40-миллионная армия промышленных рабочих нас 60 миллионов трудящихся колониальных стран выброшены на улицы, обречены на голод.

Идеологи капитализма тешно ищут «выходов» из мирового кризиса. Самые утопические фантазии вроде создания капиталистических «пятнаеток», вроде создания благодетельных «диктатур», вроде введения «плановых регуляторов» гуляют по буржуазной прессе, над которыми «смеются» железные законы, двигающие анархией капиталистического производства. Буржуазные идеологи напрасно пытаются «замаскировать» формы и методы нашего социалистического хозяйства, идущего из года в год на подъем.

«Организованный капитализм», это — миф, это — выдумка классового врага, предназначенная для отвлечения внимания трудящихся масс от подлинной революционной борьбы с капитализмом. Капитализм не допустить, не заключить, не зашловать. Это в достаточной степени открыто Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Капитализм идет к могиле, раз'едаемый изнутри и гибельными, и пролетариат активно выступает как класс — могильщик капитализма.

На поддержку пропавшейся теории «организованного капитализма» все громче и громче начинают раздаваться голоса о войне как о некоем «спасительном» средстве. Империалисты всех стран ахородноко готовят к войне. События в Манчжурии являются одними из мероприятий империализма, пытающегося найти новые рынки. Однако захват Манчжурии Японией чрезвычайно обостряет отношения капиталистических государств и еще туже закручивает узел империалистических противоречий.

Нам необходимо зорко следить за этими событиями и крепить оборону СССР, так как в конечном счете все поповозверия империалистов направлены к схватке с Советским союзом.

С каждым днем становится все острее кризисная горячка, растут капиталистические противоречия, все сильнее фашистское наступление капитала, все яростнее ответные бои рабочего класса.

«Одновременно с усиливающимся давлением на рабочий класс нарастает революционный подъем. Об этом особенно свидетельствуют политические массовые забастовки в Брауншвейге и Новавесе (Германия), крупная забастовка трамвайщиков в Варшаве, забастовка текстильщиков в Лодзи, крупные демонстрации безработных в Германии, Чехо-Словакия, Франции и Англии (из возмания агитпропа ИКДМ).

Капиталистический мир еще не вошел в период революционного взрыва, но каждый день, поповозвериям ярини безработных, каждый удар кризиса вызывают нарастание массового возмущения, что приближает конечные, решающие бои, в которые неизбежно должен вступить пролетариат под руководством Коммунистического интернационала.

В этом отношении кампания ЛЛЛ, кампания борьбы за дальнейшую большевизацию рядов мирового юношеского пролетарского движения приобретает большое значение.

Огромные массы новичков, пришедших в этот год в ленинский комсомол, все молодые рабочие СССР, комсомольцы и молодые пролетарии зарубежных стран должны активно проявить себя в ленинские дни, в дни памяти Ленина, Либкнехта и Люксембург как наследователи Ленина, как поколение, следующее революционным традициям большевизма.

Тринадцать лет назад, 15 января 1919 г., рукой социал-демократических наемников были убиты из-за утла Кара Либкнехт и Роза Люксембург. Это убийство, совершенное в германской «республике», где у власти только-что стали социал-фашисты, вскрыло как нельзя более ярко всю классовую сущность буржуазного государства. Самый факт этого предательского убийства неразрывно связал имена К. Либкнехта и Р. Люксембург с революционным пролетариатом и коммунизмом.

Мы чтим память Либкнехта и Люксембург. Но это почитание не является только лишь восхвалением очень больших заслуг Либкнехта и Красной Розы.

Мы отбрасываем все, что в их пути было антибольшевистским, антиреволюционным.

Массовая кампания ЛЛЛ в этот год приобретает также особое значение в связи с письмом тов. Сталина о разоблачении троцкистской контрпартии, извращающей историю большевизма и клеветующей на знамя мирового пролетариата — ленинизм, который ведет нас к победам, к торжеству мировой социалистической революции.

Мы знаем, что контрополовизионные троцкисты, социал-фашисты всех мастей пытаются на своем поганенном, впитанном в грязь желемом знамени написать сейчас имя Розы Люксембург.

Это не ново. История знает примеры того, как международный меньшинств в целях злоеволюционного сознания широких пролетарских масс приписывает себе не присущие ему революционные качества. Меньшеинствующий Пауль Левый лет десять назад, желая хо-собо выслужиться перед буржуазией, в своедовольствие, перед Ли и двухсоловизионными интернационалами, в ее действиями — перевел «как раз те сочинения Розы Люксембург», в которых она была неправ» (Ленин).

Как известно, Р. Люксембург и К. Либкнехт были виднейшими представителями левой социал-демократии Германии. Ошибки германских левых социал-демократов никогда не замалчивались большевиками, как это пытается сейчас сфабрицировать троцкистский контрреволюционер Саушкин.

Только большевизм имеет монолитную, единую, последовательно-революционную историю. Троцкистским прихвостням типа Саушкиных и Волосеевичей не удастся поповозверить сомнению неприязнь большевиков, во главе с Лениным, к центристам и ошибкам германских левых.

Все большие и революционные дела, все значение левых социал-демократов, к которым принадлежали К. Либкнехт и Р. Люксембург, «не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые социал-демократы в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевизма» («Сталин»).

Большевизм всегда резко и последовательно вскрывал и разоблачал эту поповозверность левых, и клевета Саушкина не пристанет к знаменю большевизма.

Кем была Кара Либкнехт, чье имя дорого мировому пролетариату?

Либкнехт был в числе «всемирно известных и всемирно знаменитых вождей», в числе «ярких сторонников рабочего класса». Имя Либкнехта тесно связано с историей юношеского международного пролетарского движения.

Кара Либкнехт был пламенным борцом с милитаризмом. Он вместе с Лениным, вместе с большевиками мобилизовал «молодежь на ответ империалистической войне. Либкнехт завладал к действию, звал рабочий класс к победам.

Однако у К. Либкнехта были ошибки, которые нельзя вычеркивать из его революционного пути. Либкнехт переселивал германскую социал-демократию. При наступлении империалистической войны, выступая из засады с д. фракции германского рейхстага против военных кредитов, при голосовании 4 августа в рейхстаге, он не смог поврать пулю-

нину, связывавшую его с социал-демократией, и голосовал вместе с социал-демократами. Правда, при первом голосовании военных кредитов Либкнехт исправил эту свою ошибку, но мы не можем не остановиться на этих его полудецентрических колебаниях, которые никогда не были присущи большевикам, руководимым Лениным.

Ком для нас является Роза Люксембург, имя которой, несмотря на ее грубейшие антибольшевистские ошибки, не может быть забыто в отдаленном распоряжении международного меньшевизма?

Об ее ошибках и ее роли В. И. Ленин писал: «...орды слетаются ниже кур спускаются, но куры никогда, как орды, не подняться...». Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года рядом с Плехановым, Вандерверде, Каутским и др. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих торжественных пениях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 гг. исправила большую часть своих ошибок).

Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом, и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира.

Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 года — смердящий труп — вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения.

А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч куры вроде Павла Левин, Шеллемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое! (Ленин; т. XX, ч. 2-я, стр. 490—491).

Вот большевистская характеристика Р. Люксембург, разграничивающая ее положительные и отрицательные черты как одного из вождей левого крыла довоенной германской социал-демократии.

Надо помнить, что ошибки Р. Люксембург подхватывали социал-фашистами всех мастей. Ошибки Розы Люксембург агента буржуазии пытаются противопоставить учению Ленина, огромному авторитету традиций большевистской партии. Под прикрытием авторитета Розы Люксембург, путем использования ряда ее ошибочных писаний со стороны всяких троцкистующих ведется яростная атака на большевизм.

Отражением этой борьбы являются всеческие попытки контрпартией извратить историю большевизма, проташить в рабочее движение люксембургство, т. е. такие высказывания Люксембург, которые были явно ошибочными и антибольшевистскими.

Вот почему исполком КИМ в своем постановлении от 27 декабря п. г. так решительно осудил попытку члена германской делегации комсомола в ИККИМ тов. Оши изъять из директивы КИМ к проведению кампании ЛЛЛ указания об ошибках Либкнехта и Люксембург. ИККИМ отметил, что этот поступок Оши является по своему существу открытым, позорным троцкистским характером выступлением, явно помогающим тем, кто пытается проташить свою левизнянскую контрпартию, нагнать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии.

«Вылазка тов. Оши является отражением той борьбы, которую ведут оппортунистические элементы, сопротивляясь проведению линии ИККИ и ИККИМ».

Поступок тов. Оши является выступлением троцкистского характера, совершенным вопреки борьбе нашей партии и всего Коминтерна с троцкистской контрпартией.

Все секции КИМ, германская секция в первую голову, должны дать резкий отпор таким выступлениям и привлечь внимание масс комсомольцев и рабочей молодежи к борьбе за большевизацию рядов международного революционного движения.

«Мы — молодежь — Ленина и Либкнехта — под таким лозунгом проводится кампания ЛЛЛ, под таким лозунгом вербует КИМ пролетарскую молодежь всего мира под революционные знамена».

«Кампания ЛЛЛ должна в этот год служить поворотным пунктом в борьбе за повышение идеологическо-политического уровня «левых комсомола, за их коммунистическое воспитание в духе марксизма-ленинизма. Нужно вооружить комсомольцев учением Ленина, исторически опытом большевизма, его идеологическо-политической непримиримостью в отношении оппорту-

низма всех оттенков, примирчества и гнилого либерализма в отношении самых незначительных искажений теории и практики марксизма-ленинизма. Нужно расчистить роль ВКП(б) и Ленина, которые на всех этапах революционного развития ставили перед международным пролетариатом принципиальнейшие вопросы борющейся революции и наиболее решительно и последовательно боролись против предательства II интернационала. В связи с этим нужно подчеркнуть особую роль Ленина в деле создания и идеологического оформления международного коммунистического юношеского движения».

В дни памяти Ленина, Либкнехта и Люксембург еще шире развернем большевистское воспитание в духе указаний тов. Постышева и Шляпникова. ЦК ВЛКСМ, еще крепче возьмемся за строительство социализма!

«С кем — молодежи, с тем — будущее». Пролетарская молодежь — составная часть рабочего класса — идет смело в бой против капитализма и его агентов, под испытанным руководством коммунистической партии к своему будущему — к коммунизму».

Обмен комсомольского билета— важнейшая политическая кампания*

Среди некоторых наших руководителей работников существует мнение, что произвести обмен комсомольского билета—простое и чисто техническое дело. Эти работники не чувствуют всей значимости такого мероприятия, недооценивают всей важности дела. С этим фактом, указывающим на легкое отношение к обмену комсомольского билета, мы уже встречались в подготовительной работе. Необходимо избежать возможных ошибок при обмене билета, предупредить их и во всяком случае стремиться, чтобы этих ошибок было как можно меньше—от чего должен добиваться каждый активный...работник союза, каждый комсомолец.

Довести значение обмена билета до каждого комсомольца

Что значит довести обмен билетов в организации, насчитывающей 5½ миллионов человек? Это значит: идею обмена комсомольского билета довести до каждого комсомольца, не только в ее общеполитическом значении, но только и постичь этот вопрос перед всей организацией вообще, а в расширенном виде довести до 5½ миллионов комсомольцев все детали этого сложного, крупнейшего политического мероприятия. Ясно, что тут нельзя отделить обмен членского билета вообще. Нужно обменять билет каждому достойному комсомольцу из числа 5½-миллионной организации, т.е. нужно найти ключ к каждому отдельному комсомольцу, состоящему в нашей организации. Это дело очень и очень сложное. Надо добиться, чтобы каждый комсомолец в предстоящем обмене членского билета знал, когда он лично должен его обменять, в какой день, в какой час и в каком месте. Если эти мероприятия мы не доведем до каждого комсомольца, то многие из них не будут знать, как им обменять свой билет, где, когда, а это приведет к тому, что сотни и даже тысячи комсомольцев не обменяют своих билетов и могут по этой причине выйдти из союза. Это может случиться не по злому умыслу кого-то, а просто из-за легкости и поверхностности, которые проявит в этом деле руководитель или активный работник союза. Надо пойти в такой случае весьма трагично комсомольца, когда он хочет обменять билет, но не знает, где, когда и как это сделать. А ведь таких товарищей при плохой организации дела может оказаться много, и их после, чтобы выйти из положения, будут квалифицировать (ожи вступить) как «механически вышедших» или как «мертвые души». А ведь многие из этих товарищей, по этой причине вышедшие из союза, могут быть коммунистами, комсомольцами.

Тот, кто механически будет подходить к обмену билетов, тот будет делать преступления перед партией и комсомолом. Какой-нибудь головотяп, не додумавшись установить день и час, место обмена билета, плохо организовавший это дело, может этим самым вырвать из организа-

ции сотни людей, особенно в деревне и в малых организациях. Устанавливая время и место обмена комсомольского билета, надо учитывать особенности отдельных групп молодежи. Ведь у нас найдется немало таких комсомольцев, для которых тот или иной день, в который назначено обменять билеты, не подойдет по целому ряду причин. Или он работает в смене, или находится в отпуску и уехал к родителям в деревню, а может быть, и болен в данное время. В многомиллионном комсомоле таких случаев, конечно, найдется очень много. Все это надо учесть, к массам нужно подходить не вообще, а знать, где отдельный комсомолец находится в данный момент и когда ему лучше всего и удобнее всего обменять комсомольский билет, какие сроки ему для этого установить.

Мы еще раз подчеркиваем, что довести обмен билета до каждого комсомольца не вообще, а сказать каждому комсомольцу, чтобы он обменял билет в такой-то день, в такой-то час и в таком-то месте, и сказать это 5½ миллионам человек, каждому отдельно—дело весьма сложное и требует огромного внимания, напряжения. Проводимый обмен билета—экзамен союзному руководству.

Поднять обмен билета повышению идейной боееспособности наших рядов, усиление борьбы за генеральную линию партии

Подчеркиваем: каждый активный работник союза должен понять, что обмен комсомольского билета—не техническое мероприятие, а прежде всего мероприятие колоссальной политической важности. Вопрос техники обмена билета хотя и важный, но он носит второстепенный, дополняющий характер. Центральное же содержание мероприятия по обмену билета состоит в том, что оно должно еще больше политически нас укрепить. Это мероприятие нужно использовать для максимального сплочения рядов нашего союза вокруг конкретного проведения линии партии в одной области, районе, ячейке, цехе, группе, агрегате, на заводе в целом, в колхозе и т.д.

Надо использовать обмен комсомольского билета так, чтобы еще более повысить политическую активность каждого комсомольца в союдростительстве. Выполнение профинпланна по всем количественным и качественным показателям, снижение себестоимости, форсирование изучения техники, поднятия ударничества на высшую ступень, заводское и цеховое планирование, организационно-хозяйственное укрепление колхоза плюс ко всему этому овладение революционной теорией,—вот что от нас требуется.

Нужно еще шире и глубже развернуть массовую политическую работу. И если нам это дело удастся организовать, то мы уверены, что после обмена комсомольского билета наш союз поднимется на более высокую ступень. Мы каждого члена ВЛКСМ из 5½ миллионов нашей организации еще более активизируем. А вы знаете, что значит при диктатуре проле-

тарната привести в движение массы, тем более массы молодежи, преданные партии. Поднимется такая воля творчества и активности, о которой мы просто и не думаем.

Организовано и продуманно провела обмен билетов 5½ миллиона комсомольцев, повышая на этом еще больше общественно-политическую активность союза, мы найдем лучшие пути конкретные и выражения этой активности из отдельных участков социалистического строительства. В результате этого у нас повысится зрелость активы и лучше развернется работа комсомола по всем линиям: по хозяйственной, советской, производственной и т.д. Мы должны каждому комсомольцу дать еще большую зарядку на дальнейшую работу.

Весь союз в целом, его отдельные звенья—отдельные комсомольцы должны добиться большего понимания линии нашей партии, понимания того, как эта линия в отдельных конкретных условиях должна проводиться. Надо не только понимать линию партии, а уметь ее практически осуществлять, исходя из особенностей края, области, района, завода, колхоза. Нам нужно добиться, чтобы каждый комсомолец во время обмена членского билета вооружил себя знанием, как в его конкретных условиях общая линия партии должна находить свое конкретное выражение. Поднять классовую боееспособность союза, повысить идейно-политический уровень союза на большую высоту,—вот политическая сторона обмена комсомольского билета.

Обмен членского билета особенно большую роль должен сыграть в борьбе с недисциплинированностью в союзе. Эта кампания должна поднять дисциплину каждого комсомольца, вооружить его чувством большинства ответственности.

Каждый комсомолец должен подчинить свои личные интересы и желания интересам организации. В этой связи следует остановиться на вопросе о членских взносах. Вопрос о членских взносах и задолженности по членским взносам является не только вопросом чисто денежного порядка, но главным образом это—вопрос политический. Факт уплаты членского взноса должен повышать у комсомольца чувство принадлежности к организации. Забота о своевременной уплате членского взноса способствует повышению дисциплины, а такого понимания у нас на местах и особенно в ячейках нехватает. Как правило, выдают сборничка членских взносов, не разъясняют ему политического существа сбора членских взносов, а говорят: обойди, собери. Но помните, не можем мы по-большевистски воспитать организацию, если члены организации не будут чувствовать значения и необходимости своевременной и обязательной уплаты членского взноса. Своевременная уплата членского взноса является первой же обязанностью каждого комсомольца, является элементарным

* Сокращенная речь, произнесенная на совещании в ЦК ВЛКСМ по обмену комсомольского билета.

принятым принадлежностью к комсомолу. Тот, кто не платит членских взносов, не укрепляет свою организацию, тот недостойн быть в рядах ВЛКСМ.

И с этой точки зрения подойдем к задолженности по членским взносам. Должников у нас много, но они разные. Одни не платили взносы 2 месяца, другие — 6 месяцев, третьи — 8. Им трудно будет сразу найти такую сумму, чтобы погасить задолженность. Следовательно, как будто бы вывод таков: с должников погашения задолженности не требовать или требовать только в определенных процентах. Такой вывод будет неправильным.

Вся задолженность без исключения должна быть погашена комсомольцем. Не можем мы поощрять недисциплинированность, расхлябанность и неуважение к своей организации фактом сканивания задолженности. Хочешь состоять в комсомоле — погашай свою задолженность по членским взносам. Но нужно уточнить постановку этого вопроса. Погашение задолженности нужно проводить различными путями. Как принцип, задолженность нужно погасить во время проведения обмена членского билета. У должников мы должны выяснить, узнать, почему они членские взносы не платили столько времени, публично их постыдить, брать с отдельных их обязательство, что он свою задолженность по членским взносам погасит к таким-то срокам и пр. При этом ему надо объяснить, что дело тут не только в деньгах, а что неуплата членского взноса развигачивает его и толкает на путь нарушения союзной дисциплины. Но при всем этом мы должны подчеркнуть, что отдельные злостные элементы, уклоняющиеся сознательно от уплаты членского взноса, должны быть из комсомола исключены: такие билеты не обменивать.

Обмен билета — не чистая организация, но и не простое техническое мероприятие

Что представляет собой кампания по обмену комсомольского билета? Обмен комсомольского билета — это не чистка рядов союза и не простое техническое мероприятие. Никто никому не давал право обмен комсомольского билета превратить в чистку организации. А ведь такие настроения в отдельных местах имеют место. Мы должны на весь союз громко заявить: обмен комсомольского билета — это не чистка организации, и тот, кто пытается превратить это мероприятие в чистку, делает грубейшую ошибку, возвращает директивы партии и союза. Мы чистку не проводим, мы проводим обмен комсомольского билета. Но и тот, кто думает, что обмен комсомольского билета есть простое техническое мероприятие, и вследствие этого подходит к проведению этого обмена формально, «вообще», тот тоже делает грубейшую ошибку. Обмен комсомольского билета мы должны использовать для усиления классовой боеспособности комсомола, а это означает, что отдельные комсомольцы, если они не являются настоящими, действительными комсомольцами,

могут быть исключены из комсомола во время проведения обмена комсомольского членского билета. В момент проведения обмена комсомольского билета нужно будет исключать из рядов союза тех, кто к союзу примазался и является явно чуждым.

Вручать новый билет на открытых собраниях

Самый факт выдачи нового билета должен сопровождаться организацией выносового воспитательного воздействия на каждого комсомольца. Вручать членские билеты должны самые авторитетные комсомольцы. Надо добиться, чтобы вручение нового билета проходило публично, в присутствии беспартийной молодежи, взрослых рабочих, в присутствии колхозников, в торжественной обстановке. Вручая отдельному комсомольцу билет, надо требовать от него определенных обязательств. Скажем, если он недисциплинирован, требовать от него обязательство в том, что он исправится. Надо также дать право комсомольцам в момент проведения обмена членского комсомольского билета делать критические замечания по адресу отдельных комсомольцев.

Например, чтобы комсомолец такой-то, присутствуя при обмене комсомольского билета, имел право сказать, что он не против того, чтобы такому-то комсомольцу дальзахленский комсомольский билет, но он знает за ним такие-то проступки, ставит их на обсуждение, и пусть получающий билет сам выскажет свое отношение к своим проступкам. Или другой комсомолец может сказать о том, что такому-то комсомольцу нельзя выдавать билет, так как он его недостойн, примазался к комсомолу, и его нужно из организации исключать.

Нужно всех комсомольцев привлечь к обмену членского комсомольского билета. Пусть каждый комсомолец обсуждает свои проступки и проступки других комсомольцев. Из всего перечисленного видно, что мы проводим не чистку рядов союза и что в то же время это не техническое мероприятие. Организация таким образом дело, мы тем самым поднимаем политическое значение нашего билета. Ведь не каждый имеет право носить комсомольский билет. Ведь не каждого мы принимаем в комсомол, и не каждый достоин состоять в наших рядах. Мы даем членский комсомольский билет тем, кто достоин его иметь. Следовательно, комсомольский билет есть свидетельство о принадлежности к почетной, авторитетной политической организации и накладывает на члена этой организации соответствующие обязательства.

Нужен чуткий подход к кандидату комсомольцу

В момент проведения обмена комсомольского билета необходим самый внимательный, чуткий подход не вообще к отдельным группам комсомольцев, а к каждому комсомольцу в отдельности. Не все комсомольцы являются относительно опытными в той степени, как наш актив. Есть у нас низовое звено, которое подчас не сразу понимает существо вопроса, может ошибаться, и вот в этих условиях возможны такие факты, когда проступку не будут менять билета, будут исклю-

чить кампанию по обмену членского билета для того, чтобы избавиться от переростков. Надо запретить это делать. Тот, кто так будет поступать в отношении переростков, сделает политическую ошибку, и за это дело такого руководителя должна стоять наша комсомольская ответственность. Есть опасность, что люди будут стремиться избавиться от так называемых «мертвых душ». А иногда комсомолец считается «мертвой душой» из-за казенного к нему отношения, а на самом деле он, может быть, и является активным работником, но зачастую билет перегружен и в силу этого редко попадает на глаза секретарю ячейки, и тот считает его «мертвой душой».

Нужно не давать комсомольского билета тем, которые числятся в организации, но на самом деле не существуют. Но существующим людям, состоящим в комсомоле, должностное руководство должно обеспечить выдачу нового комсомольского билета. Подход к людям должен быть чуткий, внимательный. Тут могут быть и личные сети, при которых билета исключать достойных людей, исключать их за что. Это надо избегать предостаточно. В итоге нечуткого и невнимательного подхода мы можем иногда встретиться с таким фактом, когда человек билет убит не только политически, но и морально. Это надо избегать предостаточно. Нужно исключить безудержный подход точно так же, как не допускать исключения из союза по такой мотивировке, что он не активен. Это нужно резко осудить и запретить.

Надо развернуть пропагандистскую работу вокруг обмена билетов. В самые ближайшие дни в Москве и Ленинграде и областных и краевых центрах надо собрать актив по этому вопросу, всех комсомольских работников, каждого секретаря райкома и ячейки проинструктировать. Об этом должна заговорить наша печать, и «Комсомольская правда» — в первую очередь.

Нужно помечать различные статьи, связанные с обменом комсомольского членского би-

ОБМЕН КОМСОМОЛЬСКОГО БИЛЕТА — НЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ, А БОЛЬШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

МЕХАНИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И АПОЛИТИЧНЫЙ ПОДХОД К ДЕЛУ

Некоторые ячейки слабо разбираются в политической кампании по обмену несомнительного билета. Это говорит о том, что отдельные товарищи из низового руководства и обмену несомнительного билета подходят как к простому техническому мероприятию, забывая большое политическое значение этого дела.

— Вот меняю старые билеты на новые

летя, через печать информировать комсомольский актив о том, как будет проходить обмен, разъяснить — можно ли во время обмена исключать из комсомола, можно ли подвергать комсомольца взысканиям, можно ли подавать жалобы на того или другого комсомольца. Вопросам обмена билетов надо специально посвятить несколько союзных дней. Каждый должен знать, что он должен делать по обмену билетов.

В связи с сложностью этого мероприятия мы подходим к нему очень осторожно. Будет установлен такой порядок: с 5 февраля обмен билетов начнется в Московской, Ленинградской областях и в ЦЧО. Делаем это мы по вполне понятным соображениям, чтобы не ошибиться, накопить опыт. Хорошо прощупав в течение января эту работу, с 15 марта приступим к обмену сразу по всему Союзу.

Бюро ЦК постановило закончить обмен билетов к 5 июня 1932 года. Необходимо будет сочетать эту работу с весенними полевыми работами. Надо помнить, что обмен комсомольского билета — это не самоцель, а политическое мероприятие. Драться за программу сесса — значит драться за комсомольский билет.

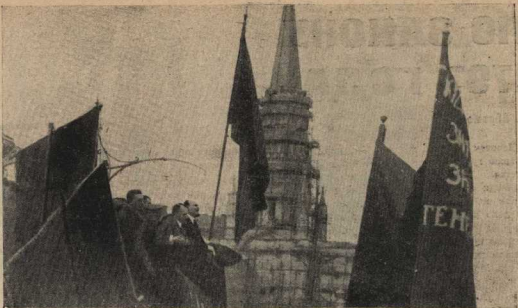
Нужно будет установить очередности: по какой группе районов провести обмен в первую очередь, по какой группе — во вторую очередь и т. д. Ячейка же устанавливает порядок и себя; какой цех идет в первую очередь. Все надо точно рассчитать, обдумать, провести организованно.

Во всех областных комитетах, крайкомах и ЦК наиреспублик создаются тройки или пятёрки, которые повседневно руководят проведением обмена членского билета и в декаду раз отчитываются в бюро обкома, крайкома и ЦК наиреспублик. Вот какой строго централизованный порядок надо установить. Состав этих троек будет утверждать ЦК.

Уже есть факты недооценки этого мероприятия. Когда мы предложили представить сведения о составе троек, нам сообщили: первый член тройки — зам. зав. такого-то отдела, второй — зам. зав. другого отдела, председатель — зам. орготделом. Не выдает это.

Первый секретарь комитета организации — вот кто должен быть председателем тройки или пятёрки. Затем надо обеспечить качественный состав этих пятёрок или троек, чтобы они занялись своей задачей не формально, а по существу. Надо привлечь к этому делу парторганизацию. Должен сказать: без помощи партии нам с этим делом не справиться. Поэтому сразу же надо поставить этот вопрос перед партийными ячейками. Четкая осведомленность, жесткий контроль, отчетность, система уполномоченных во всех звеньях, начиная с ЦК, — вот что требуется.

И последнее: надо укрепить технический аппарат. У нас недооценивают этого дела. Технический аппарат — это колоссальной важности вопрос в деле обмена членского билета. Сейчас нужно особенно укрепить информационно-статистический аппарат: своими силами ему одному не справиться. В конце концов раз навсегда надо покончить с расхлябанностью, небрежностью в нашем техническом аппарате. Надо использовать этим делом, чтобы создать твердый, квалифицированный технический аппарат; не третируют его, помочь ему и укрепить его.

Ленин провозносит речь на Красной площади. 1919 г.

Ленин среди делегатов II всероссийского съезда горнорабочих. 1921 г.

ПО ЗАКОНУ 1797 ГОДА

А. Абрамов

Человек пишет письмо. По коридору за дверью гудко стучат шаги. Человек прислушивается. Торопливо дописывает последние строчки: «Не ослабляйте борьбы с правительством войны и голода. Не ослабляйте борьбы за дело рабочего класса. Я — с вами, товарищи!». Шаги стучат у самой двери. Человек поспешно прячет письмо. Звенит ключ в заржавленном дверном замке. Человек выходит в коридор. Молча идет за тем, кто отвер дверь.

Двор. Асфальтовая площадка в глубине сырого каменного колодца. В центре — нахаль, засыпанный снегом скверик, белый островок в черном асфальтовом море. Крутом скверика моча шагают люди. Один за другим. Человек заканчивается в щель. Человек шагает вместе со всеми.

На все окна в каменных стенах надеты чужинные забораа решеток. У ворот, ведущих на улицу, заставные часовые с винтовками. Какое суровое и унылое место! Вы узнаете это место. Это — тюрьма.

Человек в щель, шагающий вокруг снежного скверика, поднимает голову и глядит на небо. У него худое, бледное лицо и ясные, молодые глаза. На вид ему — 23 года, не больше. И вы узнаете этого человека. Его портрет не скопился месяцами назад не скопился со страниц коммунистической прессы Англии. Его зовут Фрэнк Паттерсон. Он — член ЦК английского комсомола и активный сотрудник «Дейли уоркер», газеты английской коммунистической партии.

Месяц назад в темном судебном зале Олд Бэйли стоял он перед строгим, сухим стариком, судьей его величества короля Англии. На старичке был высокий парик и мантия из черного шелка. Старичка звали Гэмфри. Он получил судебное кресло по протекции мистера Боудуина, вождя партии консерваторов.

На кресле в лице мистера Гэмфри сидела Англия эпохи каторжных галер и «кошки» по десяти хвостам. И стояла перед ней Англия войны и молодежи, вырастающая на баррикадах классовых боев, стоял комсомолец Фрэнк Паттерсон.

Судить Фрэнка было не за что. Фрэнк писал статьи в «Дейли уоркер» — вот и все. Но статьи эти читал каждый матрос на забастовавших в Инвергордоне судах. Фрэнк писал: «Единного пенни с заработной платы! Никаких уступок правительству голода и войны!». Комитеты нижней палубы, руководимые стачкой, читали вслух статьи Фрэнка Паттерсона. Паттерсон был в точку. Его статьи подымали скопившиеся веками гнев и ненависть.

Инвергордона, это — порт на Северном море, откуда военные суда английской Атлантической эскадры должны были выйти на маневры в открытое море. Но они не вышли. Национальное правительство Макдональда готовило снизить заработную плату матросам, поучающим и без того жалкие гроши, едва хватавшие для того, чтобы поддержать существование оставшихся на берегу семей.

Снижение зарплаты — грозиво — голодом их матерей и детей. И вот когда офицеры на нескольких броненосцах отдали приказ о поднятии якорей и выходе в море, якоря подняты не были. Мало того, когда офицеры бросались

поднимать якоря сами, матросы вновь опустили их в море.

Правительство пришло в смятение. То было больше, чем забастовка. То шаталась государственная мощь Британской империи. Иностраные газеты открыто называли события в Инвергордоне бунтом в английском флоте. Миртовая биржа реагировала на это падением курса английских ценных бумаг. «Прав, Британия, моряки!» — говорил английский гимн. Эту строчку грозил зачеркнуть Инвергордон и зачеркнуть навсегда.

И правительство уступило морякам. Правительство платило 385 фунтов стералингов, составляющих разницу между сокращенной и нормальной зарплатой, на которой настаивали моряки Инвергордона. Мало того, сэр Остин Чемберлен с кривой улыбкой провозгласил с трибуны парламента:

— Правительство не намерено применять никаких репрессий к участникам событий в Инвергордоне.

Рис. В. Фаддеева

Проходит два месяца. У английской буржуазии, испуганной призраком гибели величия Англии, мучаются руки. Английская буржуазия жаждал места за Инвергордон, жаждет расплаты какой угодно ценой.

И перед сухим деревянным стариком из Олд Бэйли садится на скамью подсудимых комсомолец Фрэнк Паттерсон по обвинению в «заонамеренном подстрекательстве к бунту моряков флота его величества».

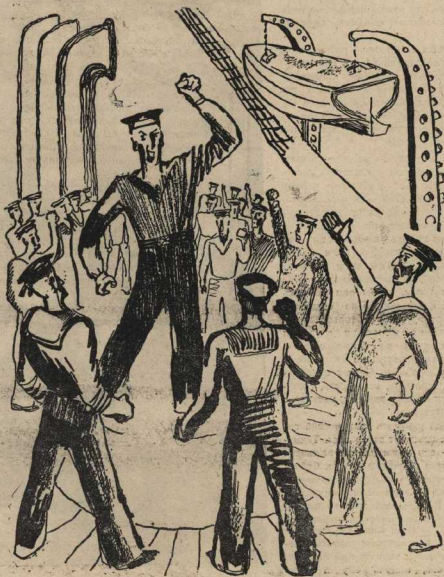
— Почему заонамеренно? — спрашивает зачитник.

— Не придирайтесь к словам — строго говорит судья. — Мы не менеем выражения старых законов.

Судить Паттерсона не за что. Но отомстить Паттерсону нужно. И Англия достает с полки старый закон. Закон 1797 года.

Тогда в таком же вот, как и это, алаини стоял перед таким же судьей молодой матрос Ричард Паркер и такая же черная шелковая мантия. И говорил он таким же глухим, будто безразличным голосом. Но той же свирепой ненавистью горели его глаза.

Ричард Паркер обвинялся в руководстве бунтом моряков тогдашнего королевского флота. Получавшие жалкие гроши матросы нескольких военных фрегатов предъявляли правительству требование о повышении зарплаты.

«Ни одного пенни с заработной платы! Никаких уступок правительству голода и войны!»

После отказа правительства 12 судов Атлантического флота 10 мая 1797 года заняли устье Темзы и блокировали Лондон. Офицеры были арестованы и заперты в трюм. И адмиралом восставшей эскадры был избран простой матрос Ричард Паркер.

Целый месяц продолжалась блокада. Ни одно грузовое судно с припасами не было допущено в Лондонский порт. Военные суда под командой адмирала Дункана, посланные против бунтовщиков, присоединились к повстанцам. Но правительство не сдавалось. Английский капитализм переживал свою эпоху расцвета. Английская буржуазия была смела и воинственна. Железо и кровью утверждала она свое мировое могущество. И она не уступила матросам. На все их требования правительство отвечало категорическим отказом, настаивая на полной и безусловной сдаче, выдаче газетчиков и обращении к королю о помиловании. Питт, стоявший тогда во главе кабинета министров, требовал беспощадной расправы. Пролетариат, численно незначительный и находившийся в условиях рабской эксплуатации, даже не знал ничего о бунте.

16 июня бунт был подавлен. Один за другим проходили бунтовщики перед судьей в высоком пудреном парике и черной шаковой мантии. И каждого из них секли «кошкой» о девяти хвостах и отправляли на каторжные работы. Последним предстал Ричард Паркер.

— Пройдут годы,— сказал он судье,— и дух восстания снова вздохнет на Темзе.

Паркера повесили на рее на глазах у всего королевского флота. Но Паркер оказался прав. Только времена уже не те. Английский капитализм одряхлел и ослаб, а пролетариат вырос в многомиллионную армию. Нельзя уже высечь бунтовщиков «кошкой» и повесить Фрэнка Паттерсона на рее. Но месть остается мстью, и дряхлый, но злобный пес тоже не любит укушить, когда его пнут ногой.

И вот после того, как восставшие суда мирно прибыли в порты, 248 газетчиков матросской забастовки на судах «Родни», «Дорсетшир» и «Адвенчур» отправляют в береговые барачи. Через несколько дней им объявляют, что в их услугах «флот его величества больше не нуждается», и отправляют за ворота, выплатив каждому по 13 шиллингов 6 пенсов жалования.

— Многим из нас,— рассказывает Дэй, один из лидеров Ивергродона,— оставалось всего несколько месяцев службы до права на пенсию. Теперь мы брошены в жертву голоду и безработице.

Буржуазия мстит. Эхо расправы 1797 года торжественно звучит в судейском зале Олд-Болли. Судья Гэмфи судит коммодора Фрэнка Паттерсона.

— Это не суд, а расправа,— говорит Паттерсон,— это одна из атак на «Дейли уоркер» и коммунистическую партию. Это одна из атак на рабочий класс Англии.

— Подсудный,— повышает голос судья, грозный, как его предок, повесивший Ричарда Паркера,— не позволю вам превращать залу суда в трибуну для коммунистической пропаганды.

— Нам, коммунистов, не заупасть приговорами,— продолжает спокойно Паттерсон,— мы все равно будем нести пропаганду и распространять свои взгляды, призывая рабочий класс к борьбе против снижения зарплат. Да здравствует «Дейли уоркер»! Да здравствует дух коммунистического Ивергродона!

Сухой старикк бледнеет.

— Вы уже сидели в тюрьме полгода,— говорит он,— неужели это не научило вас, неужели вы думаете, что мы позволим вам безнаказанно

— Нам, коммунистов, не заупасть приговорами!

на вести вашу аларельную пропаганду! Я не понимаю, не могу понять вас.

Как может понять старая, загнивающая Великобритания молодую пробуждающуюся Англию? Как может понять она то, что ни судьи ни тюрьмы не остановят победных шагов той, одной и независимой?

И приговор гласит:

— На два года каторжных работ.

Паттерсона уводит.

А следом за ним, спустя неделю, уводит из зала суда Элсона и Шефферда. Их судил другой судья, но то же обвинение и тот же каторжный старый закон.

— Я не боюсь мести капиталистов,— сказал Элсон,— и буду бороться за дело пролетариата, за социалистическую Британию.

Шефферд сказал:

— Наш арест— сплотившая провокация. Нам мстит за Ивергродона. Но я советую сказать, что моряки и английский пролетариат сумели

показать, что они умеют бороться за свои кровные интересы, а главное— умеют и побеждать.

— Вы слышите,— воскликнул судья, обращаясь к присяжным,— они смеяются даже из зала суда угрожать спокойствию Великобритании.

И приговор гласит:

— Элсона к трем годам каторжных работ. Шефферда к полутора годам.

Все трое— и Паттерсон, и Шефферд, и Элсон— сейчас в тюрьме. Сырые камеры, деревянные койки, холод и недоодевание. Ничего, ни встреч, ни газет. Такова месь старор умирающей Англии.

— Глая месь,— пишет Паттерсон из тюрьмы,— каждый новый год ближе к нашей победе и к их гибели. Мы еще склвиемся.

Он прав, этот молодой и стойкий Фрэнк Паттерсон. Они еще склвиеются. И может быть очень скоро.

Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире

(И. Сталин)

Начало восстания

А. БАУТИН

рис. Носкова

Еще вчера, в «шарский» Николин день, гудки и перебивали все коколка «сорока сорочков», лучшие протодьяконы провозгласили «многая лета» с Лобного места.

А сегодня, седьмого декабря, все гудки фабрик и заводов и прозвонительные свистки локомотивов железных дорог тревожно прорвева над Москвой, возвещаая восстание.

На московских перекрестках белое уже никому не нужное вчерашнее воззвание, где говорилось:

«6 декабря 1905 года на Красной площади состоится всенародное молельное об укреплении народных волеаний.

Подписал митрополит Московский и Коломенский смиренный Владимир».

Рядом с воззванием, а также на воротах всех московских фабрик и на рабочих окраинах раскрасены красные прокламации с коротенькими извещениями: «Московский совет рабочих депутатов в среду, 7-го декабря, с 12 часов дня объявляет всеобщую политическую забастовку, всемерно стремясь перевести ее в вооруженное восстание».

На Прохоровке одновременно с тревожными гудками восстания затрещали сигнальные звонки в цехах фабрики.

— Забастовка!
— Копяча работать!

По цехам бегаи боевые группы дружин.

Ткачиха Журавлева, молодая белокурая франтиха, последний раз вдеа нить в челнок и пошла одеваться. Монтер-«паутищик» Филоша Гоморов бежал через двор с «тремья светлячками» (контрольной лампой «троячковой»).

— Забастовка!—заярал он, вбегая в мастерскую, и дрожжащими руками стал снимать пальтишко с гвоздя.

Обмотчик иголок отчаянно крикнул своему подручному, протягивая конец «паутины» в секцию статора:

— А ну-ка натажу, Лавруш!..

Лавруша натажил..
Человек семь монтеров торопливо мыли руки в котелке с бензином.

В мастерскую вломилась котельщица и грозно задала вопрос:

— Бастуете?

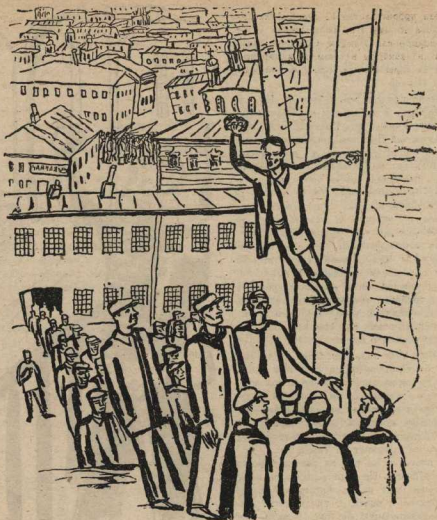
— Бастуем, бастуем!

Через пять минут все рабочие выходили во внутренний двор фабрики. Во всех углах двора шли митинги.

— Товарищи!—гремел дружинник Вася Губастый, стоя на пожарной лестнице «спальной» мастерской.—До сих пор рабочие бастовали порознь. Товарища, мы представляли требоваине хозяину об улучшении условий, о прибавке. Теперь—поднимаи выше: мы объявляи войну всему царскому правительству. Кровавый негодяй Николай—палац своего народа. Первой всеобщей стачкой он был насмерть нануган и обещал нам... свободу!..

Вася Губастый переходил.

— Но вместо свободы нас угостили нагайкой, завернули в бумажную конституцию. Победу мы все должны бастовать до тех пор,

пока изменим весь строй нашей рабочей казальной жизни. Революционные партии послали своих работников на заводы руководить восстанием. К нам на Пресню назначен командиром стобойк большевик—товарищ Селой.

Вася Губастый взобрался выше, еще на одну ступеньку красной пожарной лестницы, и крикнул:

— Товарищи! Селой здесь! Агла на демонстрацию. — И взмахнул лохмотьяй палаткой, которая в то время была формой дружинников.

Все знали, что сейчас семнадцатичная рабочая армия отправляется на демонстрацию...

Самые передовые кричали:

— Стройся! Сейчас пойдем.—И становились во главе колонны.

Но вот отделилась группа дружинников. Они осматривали револьверы и кричали:

— На «Ливерс»!

Кружевной «Ливерс» и ситцевый «Гюбьер» на Девичьем поле еще работали. Тогда около двухсот подростков с дружинниками во главе буреи поспешили по льду реки останавливать фабрику.

Но как только появились забастовщики, «Ливерс» и «Гюбьер» стали. Молодежь фабрик соединилась с прохоровцами и бросилась в атаку на вокзал Брянской дороги.

Их встретила толпа лозовых. Засучив рукава, они вступали на рабочих.

— Бей забастовщиков!

Лозовые стояли стеной во главе и защищали его, как крепость. Тогда рабочие зашли с флага, проникли через боковые двери в залы вокзала и яростно стали бить в сигнальные колокола.

— Ваша взяла!—слылись лозовые и, вскочив в свои гуськом потянулись с вокзала.

Все Пресня пыталась забастовку дружино. За бастовщиков обидела Рублевская колокольня (под Москвой), которая, как по телефону, сообщила по водопроводным трубам свою солидарность с Москвой; у бассейнов, на окраине не топились хозяйки с ведрами—Рублевка бастовала.

На дверех пекарен вносили замки.

И только в Грузинах хозяйки-кустари держали у верстаков своих рабочих.

Когда Зернов жил в Грузинах. Его сосед по квартире, хозяин козлабной мастерской в подвальном этаже, Орловцев ежесувно разнобил газетку «Правда божья».

Ее набирали и печатали монахи Чудова монастыря, которые, конечно, не бастовали.

7 декабря Орловцев сидел у ворот на лозовке во дворе и читал «Правду божью» старухам и дворникам.

Ученики старших классов фабрично-решельского училища Прохоровки (кашнички) Зернов, Честов и Ионичев зашли во двор покусывать.

Увидел ребят, Орловцев встретилась. Жиденькая бородашка его встреплал.

— А! Забастовщикам! Наме вам почтенней!—он встал, снял картуз и низко поклонялся, шаркнув картузом по земле.

— Здорово, Орловце!—отозвался Ионичев.—Что боляно низко кланяешься?

Хозяйчик ядовито взглянул на красную губастую парня и сказал:

— Не вам я поклонялся, а вамечку вашему поклонялся. Вот послушайте лучше, что справедливые люди пишут...

Колбасник выбежал отсюда, откинул на аэтылок сапоги, почесал жетонную лысину и покосился на подвала мастерской. Из одного окна торчала черная труба, как жерло муртыря. Эта труба служила вентилятором, из нее валал пар.

В мастерской во все горло пели песню: ||

Нечестное творенье

Колбасника душка.

Все его доверье —

Мосол и два колака...

И как бы в ответ на пение колбасников, через другую муртыря-трубу напротив, в подвале мастерской Синицына, запела свой гимн семеро сапожников.

Эх! Да мы колодки...

В печку сбросаем, ножидаем,

Не век сидеть за верстаком

Да с молотком...

Коя Зернов подошел к вентилятору колбасников и звонко крикнул:

— Эй, товарищи! Одевайтесь да выходите на улицу. Вся Москва на улице...

— У нас есть свой хозяин. А ты кто за распорядитель? — раздался грубой окриком из подвала.

— Да выйдите! Хозяин овет газету послушать.

Ионичек и Честнов бежали к сапожникам и кричали:

— Одевайтесь, товарищи, если хотите послушать справедливую статью. Сам Орловцев читает.

Синицын отгналвал зубами размоченную в лоханке поташу и, оскалив зубы, сердито проворчал:

— А вы, орлы, народ тут не злуте.

— Брось, дядя Егор! Почему бы и нам не выйти, когда вся Москва сложа руки ходит! — кричала молодой выкрястый сапожник. Он заргелел доской, на которой выкрявал задник, потом решительно встал, свинув его за верста. Поднялся и другой мастер, худой и угрюмый, и равнодушно сказал:

— Нам, братья, пора в чайную. Идем!

Орловцев вытарщала глаза, увидел «кашников», вылезавших из сапожной мастерской, а за ними мастеров с повоспелыми лицами.

— Что, сняли с работы, или как? — спросил Орловцев, глядя исподлобья.

— Нет. Мы в чайную. Да вот, говорят, ты статеку прочтешь собираешься. Вас мы слушаем...

— Иди каждый по своему делу, — сердито оборвал колбасник. — Дорога вам в чайную, а сходок во дворе не полагается.

— Да ведь ты не прокламацию прочтешь, а «Правду божью», — заметил Честнов.

— Ну, ладно. Вот хорошая статека!.. Слушайте...

«Семь тощих коров семи семь жирных. В живой действительности всего одна тощая коровенка-политика угрожает с'есть целое стадо человеческих действительностей, более тучных, чем она: науку, искусство, философию, технику, — все, что возмывает человека до божества и обеспечивает жизнь его на грешной земле. Политика вытесняет все занятые, попирает какая-то товая забастовка солидарности, которая, как оса, забивающая свои жертвы, заставляет общество и дивительные нервы, заставляя государство упасть в стогажик. Уложите пыльного трубочиста, и сразу забастует вся категория трубочистов от Лапландии до Аррарта...»

— Верно сказано! — крикнул Честнов.

— Ладно трубочисты бастуют!

— А из подвала Орловцева несетя песня о несчастной душе колбасника.

— Почему они не выходят на улицу, разве они не рабочие? Разве сапожный мастер, например, белоручка?

Сапожники вывернули ладони, показывая огромные черные мозоли. Вышел их хозяин, тоненький кустарик с голубыми слезачинными глазами, и стал слушать, ежась от холода. Он был без шапки в грязном фартуке. Во рту он держал щетинку.

Из колбасной вышел парень с охажкой огромных коровьих костей. Услышав щитку, он остановился. Орловцев с яростью на него набросился и заорал:

— Тебя еще тут, чорта, не выдали! Чего губы распрелла? Марш вниз! — и замухнулся газетой.

Тот моментально скрылся в подвал.

— Мы человек, — затараторил Синицын, хозяин сапожной. — У прохоровских забастовка — одно, а здесь — другое дело. Вам хозяин заплатит, потому что он малопер (миллионер). А тут, например, брось работу — завтра и жарть нечего будет.

— А что, у тебя в банку мало положено, что ли? — прохрипел высокий худой сапожник. — Забастуем — и заплатишь.

— А что ж я вам — жертва вечерняя, что ли? — разозлился хозяин. — Что же это за тактика в конце концов?

— Отгашло тут хозяйку в провинцию — щей, и то спарить некому будет... И все твои щетины, Савельи, это явная надсащка и не что иное, как полный абсурд! — резко закончил

хозяин, потерев руками и не выпуская щетинки из поперевных зубов.

— Товарищи! — решительно крикнул Ионичек. — Ловко запутали вас хозяйчики. Но Россия не может вернуться к старому, постылому быту. Всем вам памяте лень 9 января.

— Оратор! — нествено визгнула старуха, саумашная чтение, и бросилась бежать, словно завидела чорта.

— Оратор! — завопала развешившая белье на чердаке хозяйка канительной мастерской. Ионичек стоял в лучах солнца в своей красной «арматорной» рубашке, широко распахнула полы пишели.

— И теперь, — продолжал он, — каждый человек, имеющий в башке хоть каплю здравого смысла, знает, что Николка — пацач трудового народа.

— Ах ты, щенок! — заорал колбасник. — Эй! Ребята! Выходи наружу. Он царя ругает! И схватил огромную щетку, валившуюся в груде у окна, изо всей силы бросил в Ионичека.

— А ты, старый опорок, полечет! — высокий сапожник, как скребищец, провел по лицу колбасника своей черной шершавой рукой. Остальные сапожники нахлобучили шапки и, поплевав на руки, приготовились к драке.

— Бей его по кумполу! Он обрзок на закуску и то жалет! — закричал сапожник.

— Накрой фартуком. Бей втемную!

Синицын выбежал за ворота и три раза крикнул: «Карула!»

На его жиденький голосок не обратили внимания даже дворники, стонящие у своих порот. Между тем на бешеной рея Орловцева выбежали его колбасные молодцы.

Завязалась драка. Сапожники и колбасники ожесточенно дубасили друг друга.

И валру сверху на окна раздался нечеловеческий, душу и уши раздрающий вопль.

— Батюшки! Да батюшки! Батюшки мои!

Это кричала хозяйка канительной мастерской. Набавдая за холмо побоща из окна чердака, она увидела, как Коя Зернов подидел над головой небездельной жестики предмест.

— Ни с места! Это бомба! — крикнул он.

Мастер диверной колбасы бросился в подвал. За ним — хозяин и остальные колбасники. Шум битвы затих. И там, где стола свирепый противник, белела огромная куча окровавленных и раздробленных костей — остатки колбасного производства.

Металлический предмет онезал в воздухе дугу и упал в троту мосолов, ребер и берновых клявальных костей. Но врыла не последовало. По костям ругались полкисы чернилы.

Коя Зернов в плузу сравнения проявил военную хитрость. Когда подмалил Честнова, он бежал в подвал сапожников и схватил там жестику с чернилами, которыми чернят подшвы и кабулки...

— Вот черт! — ухмыльнулся Ионичек. — Легче остановить целую фабрику, чем этих убедить словом.

— Оно всегда так, — проворчал высокий сапожник, вытаргн комом снега распахнутую губу. — За комаром приходится гоняться с топором.

Он махнул рукой и двинулся к кладке.

— Айда в чайную! А оттуда на сходку. Бастуем и мы. Так, что ль?

— Слово на месте, — сказал молодой сапожник.

Когда все забастовщики ушли, выполаза из подвала хозяйка-колбасница с ведром воды, отобронса ногой жестику из-под чернилы и пригласила соседок, вытарагнувших из дверей своих квартир и трюбеч:

— Бабы! Идите перемывать кости!

Комсомольский рапорт

Ленинский комсомол продемонстрировал перед лицом XVII всесоюзной партийной конференции свое активное включение в дело реализации народнохозяйственного плана заключительного года пятилетки; свою преданность делу Ленина, свою боеготовность драться за генеральную линию партии.

К XVII партконференции вошла в строй первая очередь завода Центролит, одного из гигантов «518».

Запуск этого предприятия, одного из крупнейших во всем мире, комсомольцы в рядах всего рабочего коллектива «дрались, как тигры».

На строительстве в ольнейшие морозы комсомольцы проводили штурмовые ночи по бетонированию 4-й и 5-й секций. Комсомольская бригада бетонщиков впервые добилась укладки 518 замесов бетона. Получив за лучшую работу красное знамя, комсомольцы устроили ночной субботник по подемке строительных материалов на крышу. На-днях на Центролит прибыл комсомольский эшелон кирпича, в ночной субботник эшелон был разгружен.

Комсомольская бригада плотников (бригадир Крылов), получив задание сделать в 14 дней опалубку первого ригеля, ни на минуту не оставила строительных лесов и закончила работу в четверо суток.

На другом строении гиганте — Харьковском турбостроении — строители обратили к открытию XVII партконференции закончить установку металлических конструкций.

В комсомольском полете образцы большевистских темпов показывает бригада Черноусова, систематически перевыполняющая задания.

«В год завершения пятилетки каждый комсомолец, каждый молодец

дой рабочий должен стать ударником».

Десятками, сотнями новых ударных бригад встретил комсомол XVII конференцию и четвертый год пятилетки.

Комсомол фабрики им. Бабаева (Москва) демонстрирует перед Всесоюзной партконференцией рядом достижений. Молодежный цех сейчас вывозит промфинплан на 102,4% прод.

Комсомольцы во время Сталинского похода перевели 6 бригад на хозрасчет. В цеха ликвидировали обезличку. Организовали молодежную смену фруктового сахара. Смена привнесла интенсификацию и перевыполняет промфинплан. Норма каждого рабочего — 100 кг., а дают по 250.

Чейка доменного цеха завода имени Рыкова (Донецк) к XVII партконференции обязалась сверх плана выдать в подарок конференции 10 вагонов чугуна. С целью своевременной загрузки доменной чейки установила комсомольский контроль над прибывающей шихтой.

«...Семядатель партконференции рапортовать конкретными успехами на пути максимального освоения от импорта, от иностранной зависимости».

Передовые комсомольские организации, передовые заводы и предприятия действиями — новыми машинами, овладением передовой техникой — осуществляют этот призыв к реализации установок партии и лозунга тов. Сталина.

Присутствуя к сборке первых рудничных электровозов. Монтеры Электротристанга, производящие оконтурную сборку электровозов, взяли на себя обязательство выпустить к XVII партконференции первые пять электровозов.

Первое в СССР электросварное судно в подарок XVII партконференции изготовили рабочие киевской судостроительной им. Сухомлина.

Во время всесоюзной переключки по реализации речи тов. Постышева бакинский комсомол рапортовал:

Наших промыслов достигнут уровень заводской техники. Мы стремимся выше. Хотим показать образец социалистической техники. Советский инженер Капелюшников изобрел аппарат турбобура для глубинного бурения. Применение этого изобретения дает высокую производительность промысловому труду. С 1923 года это изобретение лежало на сукном. Комсомол взял шефство над турбобурением. В 1931 году выпу-

щен 41 аппарат, в 1932 году мы поставили своей задачей выпустить 110 аппаратов и в совершенстве овладеть самой техникой применения турбобура.

На бауманской партконференции «Комсомольская правда» выступила с предложением о создании фонда экономической независимости Союза советских социалистических республик.

Предложение ЦО комсомола было горячо одобрено бауманской партконференцией, обратившейся к конференциям других районов Москвы с призывом поддержать также новое значение комсомола.

Вызов бауманских большевиков райпартконференциями Москвы принят.

Днепрогэс. Монтеры тов. Абрамченко

Ударная бригада бетонщиков. Магистраль. Награжденная переходным красным знаменем

с е м н а д ц а т о й...

II райпарткомференция Октябрьского района приветствует инициативу «Комсомольской правды» о создании фонда экономической независимости СССР и принимает вызов бауманской райпарткомференции. В связи с подготовкой к московской и XVII всесоюзной партийным конференциям и 8-й годовщине смерти Ильича развернуть массовую работу по сбору рационализаторских предложений рабочих для создания фонда экономической независимости СССР.

Сокольническая конференция, одобряя предложение «Комсомольской правды» и принимая вызов бауманцев, постановила: «Мобилизовать все внимание рабочих-ударников предприятий района на вопросах максимального сокращения импорта и постановки у себя производства оборудования и материалов, ввозимых до сих пор из-за границы, организовать вокруг этого дела на предприятиях массовое добровольное движение конструкторов-любителей, ячейки и бригады «додумать и перепатентовать».

В создание фонда включаются районные организации комсомола, ячейки, предприятия, научные институты.

Бауманский районный комитет ВЛКСМ поддерживает предложение «Комсомольской правды» об организации фонда экономической независимости СССР и включается в образование этого фонда.

Райком сосредотачивает силы комсомольцев района на качестве тех объектов, по которым мы уже освободились от импорта.

Комитет начал организацию шефства и прикрепление научно-исследовательских институтов к предприятиям.

В комсомольском историческом плане из 1932 года в основу положена работа по освобождению от импорта 380 оперативных групп комсомола предприятий и фабрик Бауманского района. Прошены на это дело.

Партийная и комсомольская организации. Станко-инструментального института ставят себе задачей, участвуя в организации фонда экономической независимости, добиться в кратчайший срок освобождения СССР от иностранной зависимости в области импорта станков и инструментов.

В области станкостроения и инструментального дела мы еще находимся пока в таком положении, что эти пушечные ядра гигантских оборудованы взрывами станками и инструментами.

Партийная и комсомольская организации добиваются максимального развития собственного как

универсального, так и специального станкостроения.

Силами студентов института уже сконструирован и изготовлен станок нового типа. Присутствуем к конструированию еще двух новых станков такой конструкции, которая до сих пор в СССР не производилась.

В фойе театра «Кознак», где происходила бауманская конференция, был выставлен блестящий сложный аппарат, какой обычно раньше ввозили из-за границы. Это был одноканальный рентгеновский аппарат, подаренный в подарок ячейкой ВЛКСМ Рентгеновского завода.

В работе над этим аппаратом комсомольская ячейка практически начала осуществлять предложение «Комсомольской правды» о создании фонда экономической независимости. Наш комсомольский аппарат оказался лучшим из всех 344 аппаратов, выпущенных заводом, и не уступает таким же заграничным аппаратам.

С огромнейшими достижениями встретила XVII партконференция ленинградская организация — жемчужина дважды Краснознаменного комсомола. На долю ленинградской промышленности выпала честь поставки ряда совершенно новых производств и осозободенных в связи с этим Советского союза от иностранной зависимости. Ленинградский завод имени Сталина наладил серийное производство мощных паровых турбин и котлов.

В борьбе за рыбу комсомол был в первых рядах. В подарок XVII партконференции комсомольцы и колхозная молодежь Полярного и Терберского районов сверх плана выловили 450 тонн рыбы.

4 января в 22 часа со станции Мурманск в город Ленин районичи, перевыполнившие пятилетку, отправлен сверхплановый маршрут с рыбой в составе 32 паровых и XVII всесоюзной партийной конференции.

Рыба обработана, загарена и погружена силами комсомольцев и рабочей молодежи.

Лесозаготовительные районы проводят лесную эстафету им. XVII партконференции. Бригады, лесопункты и районы Северного края включаются в соревнование на лучший рапорт XVII всесоюзной партконференции, за право подписи рапорта тысяч.

«Репортовать XVII партконференции о первых победах комсомола в борьбе за коммунальное, жилищное и бытовое строительство», — под этим лозунгом вернул ленинградский комсомол

работу по реализации обращения Совпаркома и ЦК ВКП(б) о городском хозяйстве.

Газета «Смена» объявила поход за подлинно социалистический город Ленин.

Комсомол завода им. Ленина берет на себя обязательство по шефству над строительством для рабочих своего завода детских яслей, достройкой малоэтажных каменных домов, которые будут строить заводоуправление.

Берет шефство и контроль над своевременным выполнением заказов по паровым котлам для банно-прачечного комбината.

Московский-паравский райком берет на себя обязательство неопосредственного руководства на строящихся в районе Пищевкомбинатом. Для этого создан районный контрольный штаб. Ряд комсомольских коллективов предприятий — фабрики «Скоророда», «Электросиль» и других — берет шефство и окажет непосредственную помощь строительству.

Для окончания строительства банно-прачечного комбината к этой стройке прикреплен комсомол паровозного завода, завода «Коператор», завода имени Ленина, которые берут контроль над своевременным окончанием заказов для банно-прачечного комбината и окажут практическую помощь.

Комитет комсомола ЛОМЗ обязуется оказать помощь в строительстве Южной водопроводной станции с тем, чтобы добиться окончания постройки станции в срок.

Берет шефство над постройкой моста через Неву в фабрике «Красный ткач», постройкой трамвайной линии на правом берегу Невы и т. д.

Комсомол завода «Большевик» берет на себя обязательство по шефству над своевременным окончанием постройки ста квартал в поселке Шемиловка. Берет обязательство своими силами радиофицировать поселок Шемиловка. Обзаводится поселок в образцово-культурное состояние.

К XVII всесоюзной партконференции, включившись в осуществление программы заключительного года пятилетки, комсомол пришел с еще более высокой активностью в хозяйственном строительстве, с еще более сплоченными идейно рядками вокруг генеральной линии партии.

Комсомольские организации еще больше должны поднять энтузиазм и творческую активность рабочей молодежи на реализации решений XVII партконференции.

Комсомолец-ударник з-ва «Красный Аскар» г. Шемиловка, выполняющий план на 100%

Ударник комсомольской ячейки з-да ферросплавов (Челябинск) г. Романов

Автоматичка г. Гинкулана — джурия ударника 4-го часо-ого завода

Наши классики как орудие изучения действительности

Всякий знает, как внимательно умел вглядываться Ленин в жизнь, особенно в жизнь рабочих и крестьянских масс, как умел он улавливать их настроение, их мысли, их переживания. Случайно брошенное замечание, предположительный вопрос, песня, самое молчаливое — все это являлось для него богатейшим материалом для того, чтобы уловить картину того, что есть, расшифровать ее с необычайной точностью. Любому художнику мог бы позавидовать этому умению Ильича наблюдать.

Но он наблюдал не как «сценарист», «объективный наблюдатель», глядящий со стороны, из окна вагона. Ленину умение наблюдать нужно было для того, чтобы ухватиться за необходимый конец нити, для того, чтобы распутать каждый раз сложнейший клубок человеческих взаимоотношений и направить их в необходимое русло.

Этому умению наблюдать и делать из наблюдений необходимые выводы должна учиться молодежь у Ленина. Ленину был величайшим оптимистом, у него была габубайшая вера в творческие силы, в мощь рабочего класса. Вся его научная работа привела его к убеждению в неизбежности победы рабочего класса. И потому даже в минуты величайших поражений он думал о том, как подготовить победу, организовать ее. Но никогда не покидала его трезвость мысли. Он считал предельно-широким оппортунизмом неумение смотреть правде в глаза, как бы горька она ни была.

Молодежь должна учиться у Ленина и его оптимизму и его трезвости мысли.

Наблюдать учил Ленина теория марксизма, направляя его мысль на определенные явления. Но многое дала ему в этом отношении и художественная литература.

Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Шедрип, Некрасов, на которых вырос Ленин, научили его критически относиться к окружающей действительности.

«В жизни всякие, грудные дни
Книги не нужны;

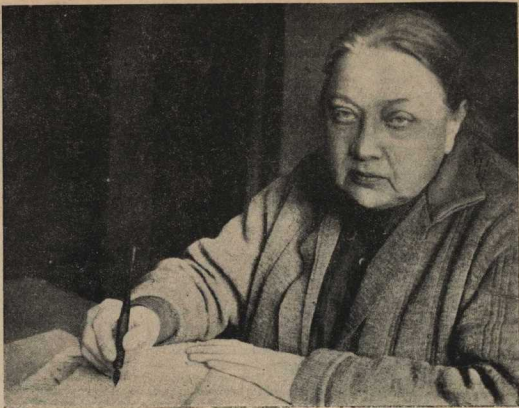
Покажут они все недостоемое, подлые,
Злые,

Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко»,

писал Некрасов.

Наши классики, каждый по-своему, учили критически относиться к действительности, давали знание людей, знание жизни. В их критике было много пессимизма умирающего класса. Но от их пессимизма Ленин рано предрохранился критиком-публицистом, разбирающим наших беллетристов и приторкывавшим записки — поскольку это позволяло пензурные условия — над тем, куда пойдет общественное развитие. Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский давали необходимую

зарядку, давали определенное направление мысли, давали руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полудумками, толкали на исцание путей и сил, могущих изменить действительность.

Если мы просмотрим сочинения Ленина, мы увидим там, из того в том, как много цитирует Ленин наших классиков, мы увидим, как врезался у него в память ряд острых характеристик людей, как эти характеристики вооружали его в оценке людей, ситуаций. С другой стороны, мы увидим, как многое из того, что писали наши публицисты, особенно Чернышевский, повлияло на весь склад мыслей Ленина, на все его установки.

И потому, что Ильич так много получил от наших классиков и от наших публицистов — Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, — после Октября он все время настойчиво требовал их массового переиздания.

Дала оценку 1905 года, Ленин писал, что это было то время, когда исполнялась заветная мечта Некрасова о том, чтобы наши писатели в дешевых изданиях стали попадать в деревню. «Придет ли времечко, — писал Некрасов, — когда мужик не Балаюка, а не милодого лапуного, — Белинского и Гоголя с базара понесет. Таким времечком стал пятый год.

И позже, говоря о смерти Льва Толстого, Владимир Ильич писал, что нужен социалистический переизобрет, чтобы Л. Толстой, его острая критика царского строя, классовых отношений, суда, школы попала в руки широчайших масс.

С тех пор, как это писалось, прошло много лет. Переменался весь общественный уклад. То, на что была направлена критика наших беллетристов, отошло теперь в прошлое.

Но значит ли это, что в наших школах, на наших радиофактах мы не должны изучать классиков?

Конечно, должны, но надо знать, что из них выбирать и как их анализировать, осцещать, как их отдавать, чтобы они помогали вооружаться пониманием современности.

Правильно поставленное изучение истории помогает более габубайшему пониманию действительности.

Правильно поставленное изучение беллетристических произведений прошлого должно помогать пониманию современности.

Преподавание литературы в наших школах не стоит обычно на высоте задачи.

Беллетристические произведения прошлого стараются иной раз подстроить на современные манеры, и получается иногда нечто совсем неусуешное.

Телеграммой пришлось года два назад снять одного преподавателя литературы, который придумал устройство «лодбубоев» между действующими лицами тургеневских романов; этот же преподаватель требовал, чтобы учитель определял степень политической грамотности Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны.

Это — смешной анекдот, конечно, но надо сказать прямо: мы не изучаем старых беллетристических произведений во всех их связях и опосредствованных, берем их часто оторвано от времени, когда они были написаны, и поэтому ничему не можем из них научиться, а можем мы учиться по ним энциклопедическому реализму.

Современная беллетристика больше направлена на то, чтобы «зажигать сердца». Но зажечь сердца она может лишь на базе марксистского анализа действительности, не суммарного, а детального анализа этой действительности, анализа, который вскрывал бы живые сочетания движущих сил социалистического строительства в живых говорящих образах.

Знать жизнь, видеть ее нужно не только писателю, это необходимо каждому, кто не спит, заверился из замок в своем кабинете, а работает в гуще жизни, ежедневно сталкиваясь с живыми людьми, их горем и радостями.

Н. Крупная

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИННОЕ ВОСПИТАНИЕ — УДАРНИКУ, ПРИЗВАННОМУ В ЛИТЕРАТУРУ

Призыв ударников в литературу — одно из ярчайших выражений культурной революции нашего героического пролетариата вперед, политического и культурного роста рабочих масс. В рядах РАПП — новое, рабочее поколение. Перед РАПП партия поставила крупнейшие задачи — боевой перестройки своей работы, преодоления отставания; «предъявляя социалистический счет — повернуться лицом к важнейшим проблемам нашего строительства» (Л. Мехлис, «Правда», 27/VI 1931 г.). Претворение лозунга партии «За Магнитогорск литературы» — основная задача РАПП. И мобилизую всю РАПП на выполнение этого лозунга, надо поднять на высшую ступень идеино-воспитательную работу с ударниками, призванными в литературу» (Л. Мехлис).

Включение по-настоящему в революционную практику рабочего класса, овладение марксистско-ленинизмом, диалектико-материалистическим методом в литературе, развертывание творческого соревнования — вот путь ударника, призванного в литературу. Задачи эти поставлены огромны, и нужно по-боевому встать за эту работу.

Борьба за пролетарское мировоззрение, за активное участие в выполнении лозунга партии «За Магнитогорск литературы» будет проходить под знаком овладения диалектико-материалистическим методом. Участие в творческой дискуссии, критическое изучение творческого метода лучших пролетарских писателей, наиболее близко подходящих к овладению методом диалектико-материализма (так же, как и критическое овладение культурным наследством прошлого) — вот путь ударников, призванных в литературу. Нужно как можно ярче и глубже показать творческий опыт М. Горького, А. Серафимовича, Д. Фурманова, Ф. Панферова, В. Ставского, В. Маяковского, Д. Бедного, А.з. Безмятежского и др. Открыть положительные и отрицательное в их работе.

Здесь опаснее всего было бы некритическое усвоение творчества того или иного писателя (ударник, беря, скажем, положительные моменты в творчестве Д. Бедного, Маяковского, должен преодолеть недостатки метода этих писателей) или канонизация творчества отдельных писателей. «Правда» в статьях тт. Васильковского и Мехлиса жестко раскрытывала ошибочный и глубоко неверный лозунг «одемянивания». Почему это было сделано? Разве в творчестве Д. Бедного, лучшего поэта

рабочего класса, мало положительных моментов? Безусловно много, но лозунг «одемянивания» был предпринят на пути развития, творческого роста пролетарской литературы, предпринят на пути овладения диалектико-материалистическим методом. Д. Бедный объявлялся образцом художника, целиком овладевшего диалектико-материалистическим методом, а между тем в его творчестве немало отклонений от метода диалектико-материализма не только в «Слезая с печью», «Без пошлady», но и в более ранних произведениях. Кроме того ведь есть и ряд других пролетарских писателей, положительный опыт которых мы обязаны использовать.

Канонизация творческого метода, опыта того или иного писателя или даже целой творческой группы может сейчас лишь мешать развертыванию творческой дискуссии. Как до сих пор была поставлена учеба ударника, как передавать ему опыт лучших пролетарских писателей? Внутри РАПП, в ассоциациях, литкружках образцы (и еще продолжают обращаться) чрезвычайно мало внимания на творческую учебу. Вместо создания условий для творчества ударника в ассоциациях зачастую перегружают организационной работой.

Здесь бесспорно сыграл отрицательную роль тезис о том, что ударник, призванный в литературу, уже стал центральной фигурой пролетарского литературного движения. Раз ударник уже стал центральной фигурой пролетарского литературного движения, значит не стоит вопрос об его (ударника) учебе, передаче ему творческого опыта старшего поколения пролетарских писателей и т. д.

Вредную роль играет также захваливание, рекламирование. Примером здесь можно было бы привести много. «Литгазета» дава недавно сводочку того, над чем будут работать писатели и поэты в 1932 году. Газета поместила интервью с тт. Багрицким, Асеевым и т. д. и тут же тт. Гутерманом, Плякшиным и др. ударниками, напечатанными одно-два стихотворения, отдельные очерка. Здесь «Литгазета» исходила, очевидно, из тезиса о «центральной фигуре».

Мы должны указать на ленинградскую «Литературную студию «Резка», которой принадлежит пальма первенства в деле дзорирования начинающих писателей. За несколько лет эта студия умудрилась издать ряд вредных формалистических и эстетических руково-дств. Укажем на книгу Дружина «Стиль

современной литературы», на книги Крайского, на сборник статей Поступальского, Дружина, Штейнмана и др. — «Молодая поэзия», представляющая собой пропалганда эпигонство у конструкторов и акмеистов, и ряд других книг. В свете письма тов. Сталина в ред. журнала «Пролетарская революция», письма, мобилизовавшего деятельность партии и всего рабочего класса на борьбу со всякими буржуазными теориями, с гиблой либеральной терпимостью к протаскиванию контрреволюционных извращений марксизма-ленинизма, работа «Литстудии» приобретает особый смысл. Работа «Литстудии «Резка» — ярчайший образец гиблой либерализма за счет кровных интересов марксизма-ленинизма. Нужно отметить усвоить, что «без всепримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин).

Хорошо задуманное дело — издание книжек о творческом опыте лучших пролетарских писателей — «Молодая гвардия» — начато не совсем удачно. Издательство не дало критических, обобщающих опыт писателей предисловий, чем значительно снизило практическое значение книжек.

Огромную роль в деле марксистско-ленинского воспитания ударника, призванного в литературу, должны сыграть также кабинеты ударника, которые развернуты и развертываются при клубе ФОСП, ГИХЛЕ, издательстве «Молодая гвардия», Профинзате ВЦСПС и т. д.

Надо шире поставить передачу творческого опыта старшего поколения пролетарских писателей рапповскому молодому. Инициативу редакции «Октябрь», организовавшей для студентов РИИЧ, участвующих на практику, доклады тт. Панферова, Ильенкова, Исаха, Безмятежского об их творческом опыте, надо поддержать. Необходимо перенести доклады писателей в кабинеты ударника, на литкружки, ставить там обсуждение этих докладов.

Мы считаем, что проверка того, как поставлена учеба ударников, призванных в литературу, критическая оценка того, что в этой области сделано, имеет непосредственное отношение к творческому смотру молодежи литературы. Эти вопросы должны быть уделено внимание РАПП, внимание комсомольских организаций, рапповских и комсомольских журналов.

на краснознаменном крейсере „Аврора“

Фотоочерк А. Скурихина

Обучение стрельбе из орудий

„Учеба“ ударника

ИЛИ

ЛИКВИДАЦИЯ ИСКУССТВА

ГИХД издал в серии «Массовая критическая библиотечка» — «На литературном посту» книжку В. Перлова «О чем и как писать рабочему писателю»¹⁾. Но является ли эта книжка новым словом после Крайских, Артюшковых и Шенгеля? Или это только новая вариация давно принятых доморощенных трюковых эпохирителей российской словесности?

Обратимся к тексту.

Автор вполне справедливо уделяет много места призыву рабочих-ударников в литературу. Это движение стоит сейчас в центре внимания литературной общественности, и дальнейший его рост во многом зависит от правильно поставленной марксистско-ленинской учебы. Рабочие-ударники нуждаются в хороших пособиях по литературной грамоте. Разумеется, такое пособие должно находиться на высоком теоретическом уровне и отвечать в то же время непосредственным практическим задачам, стоящим перед рабочим-ударником, пришедшим в литературу. Такая книга будет содействовать идейно-творческому росту учащегося рабочего-писателя, его активизации в борьбе за большевистское искусство.

Уделяя этому вопросу много времени и места, автор в то же время обнаруживает познание непонимания и подлинного смысла и

¹⁾ Москва—Ленинград, 1931 г., стр. 84, ц. 75 к., тир. 10.000 экз.

действительного значения призыва ударников в литературу. Это непонимание имеет несомненно свои корни в «лефовских» взглядах, а на путь изживания которых, по мнению редакции, т. Перлов «в этой брошюре бесспорно становится» (от редакции, стр. 3).

Мы думаем, однако, что в ряде вопросов автор не только не преодолевает своих старых механистических и формалистских теорией, но, наоборот, воскрешает их, пытаясь протащить давно осужденные пролетарской литературой общественностью идеи в трактовку даже такого, казалось бы далекого от Лефа, явления, как призыв ударников в литературу.

Как же понимает Перлов задачи призыва ударников? Оказывается: «Он должен повысить литературную грамотность активистов рабочего класса, как либез повышает простую грамотность всего населения нашего Союза» (стр. 9).

Таким образом, автор пока не только не связывает призыва ударников с задачей создания большевистской художественной литературы, но уже прокладывает пути к уходу от такого понимания призыва.

Развивая дальше эту мысль, автор по существу отодвигает ударников, призванных в литературу, с рабьскими:

«Призыв рабочих-ударников в литературу должен повысить качество этой шпоровой печат-

ти, которая своими силами должна обслужить политическую и производственную жизнь фабрики, завода, совхоза» (стр. 9).

Нельзя, конечно, не видеть родства этих двух огромных отрядов работников большевистской печати, но глубоко ошибочно смазывать их качественное отличие, разницу между выдвигаемыми перед ними задачами, а в ода в частности задачи призыва к повышению качества многоотражен, стезигает и т. п.

Но в этих замечаниях автор все же говорит еще алогично. Он только расписывает себе путь.

Смысл и значение самого призыва ударников, как и всего творчества рабочих-писателей, автор видит в «передаче опыта социалистической организации труда» (стр. 10 и ми др.).

Это, по Перлову, высший и единственный принцип работы ударников в литературе, ему и должна быть посвящена вся деятельность.

Об этом Перлов говорит многократно и упорно почти на каждой странице книжки. И в этом разобойном подчеркивании и выявлении именно этой задачи призыва, в отрыве от всего многообразия его действительного идейно-классового значения и начинает скатываться «лефовство» перловских рассуждений.

Искусство имеет огромное обьективно-познавательное и организующее значение. По отношению к искусству пролетариата, наиболее обьективно познающего мир для его передельки, это положение приобретает особо важный смысл. Пролетарская литература, являясь выражением в образной мизологии пролетарской идеологии и отражая сегодняшний день социалистической стройки, разумеется, обобщает и передает опыт строительства нового общества.

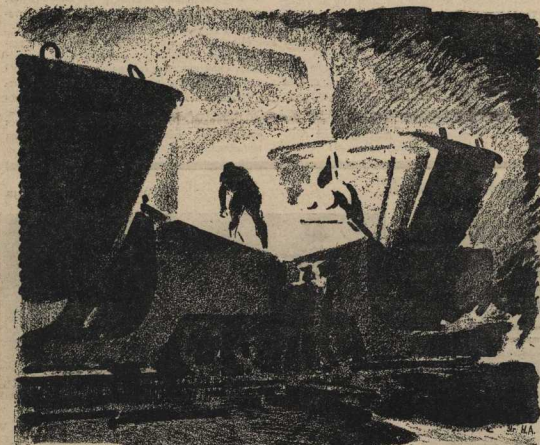
Но отсюда совсем не следует, что только ударник, взявший темой, допустим, работу на производстве, организует чувства и мысли из борьбу за социализм. И не переплавляя в отдельных случаях конкретного опыта социалистической организации труда, пролетарский писатель может с успехом быть на уровне большевистских идей нашего времени, отражая в своем творчестве идеологию пролетариата, строящего социализм, создавать произведения, являющиеся могучим оружием партии.

«...неправильны и вредны...» писал в свое время секретариат РАПП в письме «О разгертывании творческой дискуссии», — стремления ограничить тематику пролетарских писателей только сегодняшним днем революции. С этим положением нельзя не согласиться. А между тем Перлов со свойственными лефодам грубым утилитаризмом фактически сводит все многообразие стоящих перед рабочим-ударником проблем, все богатство действительности, могущей быть обьектом его творчества, только к производству, цеху, станку.

Однако не только в этом еще основной порок перловской установки. Беда в том, что и показ производства, цеха, работы автор понимает сугубо делачески, и здесь в вульгарности его понимания творчества ударников уже не приходится сомневаться.

«Нужно начинать учиться, пробовать свои силы, иначе не рассказавший никому общественный и производственный опыт пропадет, и вместо того, чтобы другие рабочие им воспользовались, они будут тратить время на поиски того, что уже найдено и проверено. Тут уже откровенно прозвучают не только уши лефода, но и вся физиономия явного ликвидатора искусства, подменяющего огромную задачу создания большевистской, высоко-идей-

МОЛОДЕЖНЫЕ ХУДОЖНИКИ НА СТРОЙКЕ ГИГАНТОВ ПЯТИЛЕТКИ

Н. Аввакумов

На Магнитстрое

ной художественной литературы «раскаиваем» (?) производственного опыта, чтобы он не пропал!!!

«Ливидаторство» Пердова еще явнее обличается, когда он расшифровывает свое понимание опыта.

Дав вначале правильную формулировку об «опыте социалистической организации труда», Пердов затем заговаривает о «производственном опыте» для того, чтобы потом уже перейти к так любимому «дефективизму» техническому опыту. Здесь теория Пердова получает свое наиболее явное выражение.

Послуajte сами: «Нужно помнить, что авиагассинта не только на рабочего того же самого завода, где работает автор, но главным образом на рабочих других заводов, других производств» (стр. 27). Поэтому надо знакомить читателя с «техникой производства, о которой идет речь», и дальше Пердов сочувственно отзывается о книге Орещкова «Сила примера», в которой, по его мнению, копируется технический опыт (стр. 28).

Все это далеко не случайные и не неосторожные или нерышлялые формулировки. Все это вполне закономерно, и увеличивается эта концепция таким совершенно разоблачающим Пердова утверждением:

«Все политической установки рассказ об опыте будет годом делового, узким техническим справочником» (стр. 13).

Это говорится для того, чтобы подчеркнуть якобы специфику искусства! Но по существу этого положения надо заметить, что политическая установка совсем не превращает узко-технический справочник в художественное произведение и, с другой стороны, самый узкий технический справочник в стране социалистический социализма невозможен без политической установки. Это теперь совершенно очевидно. И, конечно, штычечеру яркими нитками попытка Пердова кинуть на политическую установку тогда, когда нужно определить специфику искусства. Бесчисленными заключениями на тему о социалистическом труде, о

производстве и классовых интересах не скрыть того очевидного факта, что Пердов не только не понимает специфику искусства, но даже фактически не ставит перед рабочими-писателями задач его создания.

Оказывается, идеальная книга, по мысли Пердова, которую будут создавать рабочие-ударики, книга «об общественных отношениях социалистического производства смыкается с технической книгой в собственном смысле, которая в фокусе своего внимания ставит именно производство, технологические процессы».

Нужно ли еще разоблачать сие вулгарное, механистическое смысливание и нужно ли еще приводить дополнительные цитаты о «живой» (!) книге или о научной книге, которая «обращается по преимуществу к разуму».

И без этого совершенно ясно, что Пердов не только не разубождается, но пока воинственно протаканется с багровостью ГИХЛ (редактор тов. А. Митрофанов) чуждую и враждебную марксизму-ленинизму концепцию художественного творчества. Перед нами — типично аэровская теория ликвидации искусства.

Отсюда откровенное деловое, воспевающее эмигриру, пропаганда технизма, превознесение практического опыта (что у Пердова звучит так же, как у Третьякова «фиксация фактов») и пр. и пр.

Отсюда же полнейшее непонимание действительного смысла и значения призыва ударников к литературе, непонимание задач создания художественного стиля пролетарской литературы, необходимости борьбы за диалектико-материалистический творческий метод и поэтому неверная, извращающая и объективно вредная трактовка всех этих вопросов.

В книге немало удачных примеров, встречающих отдельные правильные замечания, и некоторые места могут быть критически использованы.

Однако совершенно очевидно все же, что и остальные теоретические открытия Пердова, непосредственно вытекающие из основных

установок книги, также не выдерживают никакой критики.

Приведем только еще два примера:

«В определенных случаях, — пишет Пердов, — автор может высказывать и свои собственные соображения, выложить свое собственное отношение к изображенным событиям, передавать свои собственные чувства, настроения и мысли» (стр. 42).

Выходит, что только в определенных случаях автор может выяснить свое «собственное отношение к изображенным событиям» и «передать свои собственные мысли». А мы думаем, что художественное произведение непременно выражает отношение автора как представителя определенного класса к изображенным им явлениям, что оно непременно передает его мысли и чувства: иначе искусство и идеология имеют мало общего! Но ведь к этому и клонит Пердов.

«Нужно только помнить, — пишет он дальше, — что нас интересует именно та психология человека, в которой он выступает со своей классовой стороны, с точки зрения его роли в социалистическом производстве» (стр. 43).

А мы опять-таки думаем, что всякая психология человека непременно отражает его «классовую сторону» (?), и нет никакой другой психологии, которая была бы изолирована от классовой обусловленности. Все это бесспорно. И же это свидетельствует о попытках Пердова обособить идеологизацию художественного творчества, попытках, закономерно вытекающих из левовской теории ликвидации искусства.

Мы в начале статьи задавались вопросом о том, что и в книге нового и что правильного. К сожалению, к автору по прочтении книги даже нельзя обратиться словами немецкого поэта Фосса: «Твоя книга учит кое-чему новому и истинному, если бы только в ней истинное было ново, а новое истинно». Здесь много не истинного, но нового и мало старого истинного.

Поэтому книжка т. Пердова может принести начинающему рабочему-писателю только вред.

История нашей партии показывает, что вести дело к победе рабочего класса означает вести непримиримую борьбу за генеральную большевистскую линию, против оппортунизма и гнилого примиренчества во всех его разновидностях. Мы и впредь должны строить свои боевые ряды под знаменем ленинизма, в борьбе с оппортунизмом как в области теории, так и в практической работе.

(Из выступления т. Молотова на открытии XVII партконференции)

на краснознаменном крейсере „Аврора“

На политучебе

В библиотеке крейсера

О передаче творческого опыта

А. Брыкин

О серии "За большое искусство большевика", изд. "Молодая гвардия"

Передача творческого опыта таких писателей, как Д. Бедный, В. Маяковский, М. Горький, чрезвычайно нужное дело. Но рассказывать, как работают эти писатели (присмы творчества, обработка материала, записная книжка)—это еще ведь не все. Нужно наметить пути освоения этого материала, критической переработки. Издательство (редактор М. Гребенников) не предославо развернутых статей

этим книжкам, лишь к В. Маяковскому—беглое предисловие, а нужны не предислова, а развернутые статьи о творческом методе. Но к Д. Бедному и совсем нет предислова. А нужно было бы на конкретных примерах показать положительные стороны боевой, действительной поэзии Д. Бедного и вместе с этим вскрыть его ошибки. Д. Бедный не всегда поднимается до осознания всей сложности диалектики действительности. В «Слезях» с печалью вместо борьбы с классовым врагом—борьба с абстракциями «национальными чертами» русско-

го народа, огульное охаивание всего прошлого русского народа, охаивание, идущее вразрез с указаниями Ленина. Висторическое потопление вредительства—стихотворение «Без пошлады». Мы вовсе не хотим сказать, что творчество Д. Бедного тольк и состоит из отрицательных моментов,—ничего подобного. Но о них не надо забывать. Бери от Д. Бедного его партийное, действительное отношение к действительности, злободневность и остроту его ударов, нужно преодолеть его недостатки.

В книге «Вперед и выше»—ряд ценнейших, интереснейших высказываний по вопросам искусства, о своем творчестве, о путях творчества рабочего-ударника.

Совершенно правильно и сильно подчеркнuto, что только полностью, глубоко включившись в передовые ряды строительной социализма, во всю революционную практику, только «имея единство цели с нашим революционным рабочим классом», писатель сможет быть борцом и агитатором за «передовые идеи самого революционного класса» (стр. 5). Цитируя высказывания Владимира Ильича об искусстве: «важно не то, что даст искусство нескольким тысячам общего влечения, неисчислимого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно быть повсюду этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысль и волю этого масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их». Д. Бедный делает ударение на простоте искусства, доходности его до широчайших масс, объединении чувств, мыслей и воли трудящихся на достижении указанного Марксом «единства мысли», этой нашей живой, боевой, революционной цели—построения социализма.

Дальше в своих высказываниях Д. Бедный делает ряд интересных замечаний о критической учебе у классовых, о поисках новой формы.

«Что играет исключительную роль в нашем писательском деле, товарища? Газета и уши. Прежде всего газета. Надо уметь видеть. И не как-либо видеть, а пролетарско-классово».

«Художественное произведение должно читателя не только «заряжать», но и определять образом «заряжать», давать боевую или трудовую, морочную, полую зарядку». «Важнейшее дело, товарищи, чтобы в художественном произведении чувствовалась писательская вззаванованность».

Творчество самого Д. Бедного и является таким творчеством. Его поэзия «заряжала» массы, вела в бой и в годы «Звезд» и «Примды», и в годы гражданской войны. Действительная поэзия Д. Бедного давала громадную волевою зарядку. И у взволнованной молодежной поэзии Д. Бедного (помним об излияниях его творчества) многому должны учиться рабочие-ударники.

В стихотворении «О писательском труде» Д. Бедный говорит о проблемах в своем творчестве, призывает к упорной учебе, к овладению техникой.

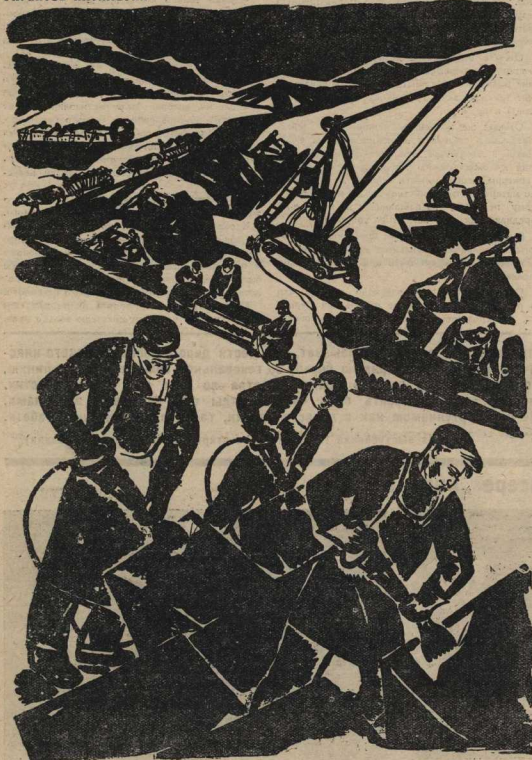
Писатель—борец за идеи рабочего класса,—это основное во всех высказываниях Д. Бедного.

Не лишена книжка и некоторых спорных моментов.

Вопрос об оценке современных поэтов Д. Бедный обошел молчанием, сказав, что «в литературе нашего Советского союза все певчие птицы могут свободно петь своими голосами».

«Лишь бы это были наши певцы и наши песни» (стр. 4).

молодежные художники на стройке гигантов пятилетки

М. Арутюнян

Мех. обработка экспортного камня Артак-Туф (Армения)

В общей форме это, конечно, правильно. Но все же важно подчеркнуть положительные и отрицательные стороны метода того или иного писателя, пути критического усвоения этого творчества. «Поэтический термин» не может способствовать усвоению ударики.

Предисловие в книге «Как делать стихи» В. Маяковского ни в коей мере не дает понятия о творческом методе, о творческом пути В. Маяковского.

Маяковский классово-враждебно нам критика, буржуазные литературоведы вроде Г. Шенгеля и Д. Тальникова, жестоко травля; с ними смыкался критика Вяч. Полонского. Давая жестокий отпор этой классово-враждебной критике, мы должны отвергнуть и высказывания антипролетарских теоретиков вроде Беспалова, Зонина и т. д. о Маяковском как законченном пролетарском поэте.

Маяковский проделал гигантский путь от анархического, индивидуалистического бунтарства к революционной, пролетарской поэзии. Преодолевая прошлое, Маяковский шел неустанно вперед к органическому слиянию с пролетарской литературой, и вступление в РАПП было вполне закономерным. Революционная направленность произведений Маяковского, его «Ленин», «Хорошо», «Во весь голос», агитационные стихи,—все это замечательный материал для учебки ударики.

Но издательство должно было помочь ударики; нужно было показать конкретные особенности творческого метода В. В. Маяковского, мастерство превращения общего в конкретное, образное выражение этой конкретности, силу его публицистических ударов, поиски новой формы, понятной миллионам, бесконечное разоблачение классового врага, предостережение пролетариата и т. д.

Наряду с этим необходимо было вскрыть недостатки творчества Маяковского: недialeктический показ мира как борьбы антагонизмов, неумение показать противоречия, взаимное проникновение противоположностей, нужно было подвергнуть критике инглистическое отношение Маяковского к культуре пролетариата, абстрактность в показе революции и т. д.

Только под таким критическим углом следует преподнести книгу В. В. Маяковского рабочему-ударнику.

В ней еще много от Маяковского-лефовеца, много, от чего сам В. В. позже отказался. В

основе единичных указаниях Маяковского лежат лефовские теории литературы, факты неверного понимания злободневности и т. д. В «Письме Равина и к Равину» и в ряде других выступлений (устных и письменных) В. Маяковский по-формалистски рассматривает задачи искусства, методы творчества. Но уже нездало до смерти, вступая в РАПП, В. В. записал: «Леф—это эстетическая группа, которая приняла нашу борьбу как факт, как таковой, и сделала из революционной литературы замкнутую в себе новое эстетическое предприятие». В речи в райкоме комсомола Красной Прессы 20 марта 1930 г. он категорически заявляет: мы должны, не снижая своей теплоты, работать исключительно на рабочего читателя». Здесь же он по-новому ставит вопрос о классиках и т. д.

В статье «Как делать стихи» В. В. дает ценнейшие указания о своем творчестве, скрывает связь формальных приемов с их идейной направленностью. В. Маяковский рассказывает о своей работе над стихотворением «Сергею Есенину». Перед нами—лаборатория поэта. Маяковский показывает, как, бери соответствующую установку: парализовать действие красочности смерти, «противопоставить легкую социальности смерти другому красоте»—красоту социального преобразования мира, он строит свое стихотворение, подбирает словесный материал в соответствии с этой установкой. Работа над звуковой формой стихотворения, подбор рифм, образы, аллитерация и т. д.—все подчинено целевой установке стиха.

Статья эта, являющаяся в лаборатории творчества, очень много дает и в овладении техникой стиха, в работе над словом. В книге Маяковского нет поэтических рецептов. Она дает ценный материал для усвоения работы поэта, неразрывной связи творческих приемов с направленностью произведения.

Владимир Ильич так характеризовал творчество Горького: «Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать». Эту оценку В. И. Ленин повторил неоднократно. Горький—боевой страстный публицист, активно откликающийся на «злобу дня», превосходно сочетающий работу над большими художественными обобщениями эпохи с горячим откликом на сегодняшний день, на текущую практику классовых борьбы.

В книге—две беседы А. М. с рабочими-ударниками, призывающими в литературу. Наша литература отстает, нужно показать действительность во всей ее полноте и многообразии. И А. М. подчеркивает, что «нужно учиться давать синтез, не отрывки и ключи. Нужно широкое обобщение, большие картины. Отсюда неизбежна и необходимая серьезная учебка» (стр. 6).

И Горький, выдвигая перед ударниками ряд важнейших тем, рассказывает, в каком разрезе нужно их разрабатывать.

Исходя подобно Д. Бедному из ленинской формулы об искусстве для миллионов народных масс, а не для кучки избранных, Горький говорит ударникам: «это объясняет вас к строгой работе, к честному отношению к слову, к яркости, ясности, ко всем тем приемам, посредством которых вы наилучшим образом передаете ваш опыт, вашу впечатлительность многомиллионному читателю».

Горький подробно останавливается на учебке у классиков, на критическом усвоении классиков. Давая ряд ценнейших указаний об учебке у классиков, А. М. отделяет, разбирает форму и содержание. «Нужно говорить не о методе, а о технике». Так критическое усвоение творческого метода сводится к одной технике. Совершенно верно, что, поскольку у нас есть художники, постольку от него несомненно можно научиться полезному, литературной технике и т. д., но нужно ведь уметь и критически преодолеть чуждые нам идейную направленность, мировоззрение, мораль и т. д., которыми обусловлена техника писателя, а также об этом, значит пойти на критическую учебку у классиков.

В заключение М. Горький кратко говорит о своей творческой лаборатории: о накоплении материала, профессиональной наблюдательности, о художественных обобщениях, о работе над языком.

Серия «За большое искусство большевизма» при всех своих крупных недостатках сыграла чрезвычайно положительную роль, передавая творческий опыт старшего поколения пролетарских писателей рабочим-ударникам.

Необходимо издать книги о творческом опыте Д. Фурманова, А. Серафимовича, Ф. Панферова, В. Стасюка, А. Бембицкого и др., снабдив их соответствующими развернутыми статьями о творческом методе этих писателей, помогая критически усваивать их опыт.

на краснознаменном крейсере „Аврора“

Ударики-комсомольцы за чистоту котлов

Карташку—к завтрашнему борцу

Ильенков, Панферов, Исбах рассказывают о своем творческом опыте

Сегодня мы помещаем отрывки из выступления г. Ильенкова и Исбах на вечер передачи опыта молодым кадрам пролетарского литературного движения. В следующем номере «Смена» будет напечатано выступление тов. Панферова. Ветер был организован редакция журнала «Октябрь» и членкой МАПП Редакционно-издательского института ОГИЗ и знаменавшая собой начало систематической работы вызвавшая равновесных кадров с равновесным молодиком.

Выковывайте партийное отношение и действительности!

Из выступления г. Ильенкова

...Кто-нибудь думает, что о сегодняшнем дне писать нельзя или, лучше, трудно писать, и так трудно, что лучше совсем не писать. Эти люди советуют заниматься далеким прошлым, которое отстоялось уже, пожалуй законченные формы и т. д. Воронский Несколько лет тому назад в одной из статей писал: «Художественное слово, особенно проза, возможно лишь при наличии мало-малыш сложившегося, отстоявшегося быта». Такую установку Воронского мы не можем не оценить как установку, чуждую нам и реакционную. По Воронскому получается, что мы лишены возможности идти в ногу с революционной действительностью. Нужно ждать, пока все получит окончательное очертание, а тогда писать. Получается, что нашу бешую современность искусство не может отразить. Таким образом, искусство по самой природе своей как бы осуждено на вечное отставание от сегодняшнего дня.

Наша партия ставит вопрос иначе, — она требует, чтобы мы, пролетарские писатели, сделали больший упор на проблемы социалистического строительства, на тематику сегодняшнего дня. Мы должны суметь художественными произведениями, средствами искусства помочь партии организовать массы, помочь массам осознать их задачи, помочь им в строительстве социализма. Ведь пролетарское искусство,

пролетарская литература — могучее классовое оружие, и оно будет острым и действенным только в той мере и в том случае, если мы будем помогать строительству нового, если мы будем в самом процессе стройки, идти ногой с рабочим классом, строящим социализм, помогать ему своим творчеством.

Некоторые могут расширить это таким образом, что о прошлом не нужно писать. Чепуха, конечно. О прошлом надо писать. И вопросы, которые выдвинуты г. Горьким — история заводов, история гражданской войны и т. д., — это — вопросы очень большие, очень важные, и нам нужно бросить сюда все силы.

Однако, товарищи, задача, на которую мы сегодня делаем упор, заключается в том, чтобы на материале сегодняшнего дня, на материале социалистической стройки дать большие художественные произведения. Это РАПП неоднократно подчеркивала, и в резолюции У пленума РАПП ясно сказано, что лозунг создания «Магнитостроев литературы» означает усиление борьбы за тематику реконструктивного периода. Поэтому, товарищи, нам нужно будет сейчас хорошо заняться изучением нашей современности. Ваши бригады, которые пойдут на практику, в первую очередь будут с этим сталкиваться. Это не значит, однако, что они должны закрыть глаза на вчерашний день. На Магнитострое, на Кузнецкстрое, в Баку, Карагане и т. д. нас это прошлое встретит. Там, где наука и техника делают чудеса, там, где бурлит энтузиазм рабочего класса там вы увидите также и следы вчерашнего дня; и вы должны суметь рассмотреть это вчерашнее, которое еще очень крепко сидит подчас в строительных социализма.

Жизнь многообразна, она велика, она многостороння. Можно ходить, за все наблюдая, все это собирать в хучу и все описывать, но это будет не писательство, а описательство. Нам нужно художественное творчество, внимательное изучение действительности, нужен отбор фактов. Нам нужны только те факты, которые способствуют выявлению сущности данного явления, способствуют раскрытию внутреннего смысла этого явления, т.е. того, что делает художественное произведение большим и ценным. Нужно — строгий отбор материала. Вы можете брать любой типаж, но когда вы наметили в своем произведении тот или иной художественный образ, вы должны прочувствовать диалектику этого образа, и вы должны сделать это очень тщательно, потому что диалектика художественного образа имеет свои законы. Художник-писатель должен считаться с этими законами, и сложность задачи заключается в том, чтобы через эту сложную систему художественных образов, которые находятся в вашем произведении, отразить объективный ход действительности, диалектику самой действительности.

Когда я писал свой роман «Ведущая ось», т. положил в основу его события и факты, имеющие место на одном крупном парозастроительном заводе. Эти события прошил перед моими глазами, я видел всех людей, о которых собирался писать, но, если бы рабски пошел за событиями, т.е. если бы я только фотографировал, я бы по праву заслужил название получего эмпирика.

Дело в том, что материалы действительности нужно суметь отобрать и глубоко осмыслить. У меня в романе фигурирует директор завода. Он был задуман мною как представитель большой прослойки нашей партии, ведущей огромную работу в нашей стране, — прослойки хозяйственников-партийцев. Он — рабочий-подпольщик. Прототипом моего героя является «живой» директор, которого я лично знал. И вот этот директор в ходе разворачивавшихся на заводе событий проходил действительность и был поше по суду сдвиг с работы. Если бы я, создавая образ коммуниста-хозяйственника, шел до конца за действительным директором, то получил бы, что прослойка хозяйственников-коммунистов, имеющих большой революционный опыт, вышедших на своих плечах огромную работу по хозяйственному строительству, — что эта прослойка не справляется со своими задачами. Конечно, кое-что из них и действительно не справляется и сходит со сцены. Такие факты есть, и в данном случае мы имеем такой же факт. Но типично ли это для всей этой прослойки? Конечно, нет. Ибо если бы это было так, то было бы непонятно, каким образом мы справляемся с теми колоссальными трудностями, которые стоят перед нами, и как вообще мы идем вперед. Общая линия движения характеризуется совершенно другим. В основной своей массе эти люди и есть та сила, которая дает нам возможность справиться с хозяйственными затруднениями и идти вперед. Когда я продумал все это до конца, то образ директора переделал, и сейчас вижу, что созданный мною образ как художественное обобщение не будет противоречить той жизненной правде, которую мы все наблюдаем. А если бы я оставил первый вариант, то я бы нарушил эту правду, хотя и взял пример из действительности.

У нас есть писатели, занимающие примерно следующую позицию: «Мы должны быть нейтральными, описывать явления действительности так, как они имеют место, показывать бедняка, описывать кулака, «сохраняя полную беспристрастность, ибо в этом, мол, правда жизни». У нас есть писатели, которые так смотрят на свой творческий процесс.

Это не наш путь, это объективизм. Вспомните, что говорил Ленин об объективизме и материализме. Материализм включает в себя партийность, он обязывает при всякой оценке событий правду и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы.

Партийность должна пронизывать все наше творчество. Мы должны вести жесткую борьбу с объективизмом, который еще крепко держится в литературе и засасывает даже некоторых из наших крупных писателей.

Быть партийным в литературе, прямо и открыто высказывать свое партийное отношение к данному явлению, это — задача более трудная, чем выступить с трибуны и заявить свое отношение к тому или иному факту.

Один здесь сбиваются на голую агитку, другие — на объективизм, когда сознательно или бессознательно затуманивают свое партийное отношение к фактам действительности. Здесь вопрос очень сложный. Разрешить его можно, лишь основательно вооружившись марксистско-ленинским мировоззрением.

Если мы посмотрим на нашу пролетарскую литературу, то мы должны сказать, что сегодняшний уровень ее дает возможность судить о том, что эту болезнь мы начинаем преодолевать.

Тов. Ильенков

Возмездие произведения Фурманова, о которых говорил Исабах. Я могу прибавить сюда еще «Железный поток» Серафимовича. Это — произведение, которое дает представление о подвиге классовой самозащиты миллионов масс, дает необычайно яркое и глубокое представление об эпохе гражданской войны, когда поднимались миллионы, когда в движение приходили огромные массы трудящихся. Это произведение целиком насыщено партийностью, глубоким классовым, правильным пониманием действительности. От этого «Железный поток» не только не пострадал, а наоборот, от этого он стал одним из крупнейших произведений нашей пролетарской литературы.

В чем здесь секрет? Очевидно секрет заключается в глубоком проникновении в нашу действительность. Секрет заключается в том, что это дано в наиболее совершенной художественной форме, секрет заключается в том, что писатель сумел заразить читателя своим волнением и дать ощущение эпохи. Эпоха гражданской войны до меня доходит с такой остротой со страниц этого романа именно потому, что он выжигает эти волнения, пронося глубочайшей предельностью писателя своему классу, потому что он в системе художественных образов раскрывает историческую правду, закономерности общественного развития и классовой борьбы.

Работать так, как работал Дмитрий Фурманов

Из выступлений тов. Исабаха

Когда мы говорим о передаче начинающим товарищам творческого опыта старшего поколения пролетарских писателей, нужно по-моему прежде всего вспомнить одного писателя, опыт которого мало изучен и не сделана пока достаточно всего пролетарского литературного движения.

Я говорю о Дмитрии Фурманове. Фурманов является тем пролетарским писателем, у которого мы многому должны учиться.

Фурманов никогда не был пассивным созерцателем жизни. Он был непосредственным участником борьбы и строительства. И он писал свои книги и как писатель и как комиссар Чапаевской дивизии. Вы все, вероятно, помните фильму «Мятеж» Фурманова. Там есть следующий кадр: Дмитрий Фурманов, окруженный мятежниками, сидит в тюрьме, ожидая расстрела, и в свою записную книжку заносит последние

страницы дневника. Через несколько минут его должны вынести на расстрел, и в эти оставшие минуты он продолжает записывать. У него ломается карандаш, и он вынужден бросить запись. Этот кадр — не вымысел сценариста. Записная книжка эта сохранилась, и действительно на одной из страниц видна жирная черта, след сломавшегося карандаша. Фурманов тогда не расстреляли; мятеж был подавлен, и Фурманов продолжал заполнять свою записную книжку, продолжал вести свои боевые дневники, из которых выросли «Чапаев» и «Мятеж».

Интересно просматривать все дневники Фурманова. Они говорят о том, что нельзя делать большевика, комиссара Чапаевской дивизии, от одного из первых пролетарских писателей — Дмитрия Фурманова.

Когда он начинал писать «Чапаева», он не думал, что это будет художественное произведение. Фурманов говорил, что хочет написать книгу для испарта. Тогда он был таким же начинающим писателем, как и вы сейчас. Перед ним стоял ряд трудностей, которые нужно было преодолеть. В своем дневнике он записал: «Хочу собрать материал, весь материал по Чапаеву. Как ли создается, что особенно волнует, что удается, что нет, какие меры и ради чего принимаю. Это интересно и полезно».

Прежде всего — имя ли мне форма, стиль, примерный объем, характер героев и даже самый герой? Нет.

Во-вторых, пытал ли свое дарование на вещах более мелких? Нет... Иметь ли имя, знаю ли тебя, ценят ли? Нет. Прислушаться потому ко всему трудно... Материал однажды прочел все. Буду читать еще и еще. Буду группировать. Пойду в редакцию «Известий» читать газеты того периода, чтобы ясно иметь перед собой всю эпоху в целом, для того, чтобы не ошибиться, и для того, чтобы не потерять еще на что-то, о чем не думаю теперь и не подозреваю.

Вопрос: дать ли Чапаева действительного, с мелочами, с грехами, со всей человеческой гребухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т. е. хотя и яркую, но во многом кастрированную, склоняюсь больше к первому.

Весь подход Фурманова к его первому произведению, детальное собирание материалов о Чапаеве, несмотря на то, что Фурманов был бойцом, досконально знавшим жизнь Чапаевской дивизии, серьезнейшее обдумывание ве-

Тов. Исабах

щи, — все это говорит о том сознании ответственности, с которым Фурманов брался за свое первое художественное произведение. Как показывал Фурманов Чапаева, который был героем гражданской войны? Как фигуру фантастическую, этакого Георгия Победоносца, который летит на коне со сверкающим на солнце блестящим клинком, как получается иногда на картинах некоторых ахрощев, или показать человека во всей его сложности, во всех опосредствованных его социальной практикой. Фурманов решил показать Чапаева таким, каким он был в действительности. Фурманов поставил своей задачей показать роль политического аппарата, роль большевистского ядра, роль тех являющихся ячеек, которые влились в Чапаевскую дивизию. Показать это в движении, в росте. Показать, как преодолевает Чапаев все недостатки, которые у него имеются, показать его во всех проявлениях, — так стоял вопрос перед Фурмановым. И так он должен стоять и перед нами.

Мы должны бороться против поверхностного подхода к явлению действительности. За глубокое изучение всей диалектики действительности, за большевистское осмысление всего накопленного практического опыта, за искусство, насыщенное великими идеями нашего времени, должны мы бороться. И здесь изучение творческого опыта Дмитрия Фурманова безусловно поможет нам.

на краснознаменном крейсере „Аврора“

В выходной день — встречают шефов

В часы досуга

П. Железнов

ДРУЗЬЯМ

(вступление ко 2-й книге стихов)

Было время.
 Голдыным хитником,
 Ворот порванных отонув,
 Не с жалобой, а с булыжником
 Я любил подходить к окну.
 И едва овладевши рифмою,
 Стал искать сочетания слов,
 Чтоб тяжелый и острый стих мой
 Прозвучел, как булыжник в стекло.
 Я пронес в поэзию смею
 Эту выходку — «злой украин»,
 Но теперь за такое дело
 Сам бы первый дал по рукам.

Теперь меня не знают
 Стекла звон
 «Кто старое помянет —
 Тому глаз вода»
 Сегодня пишу я
 О новых днях,
 О жизни, что бушует
 Вокруг меня,
 О том, как в строительном гуле,
 Не смолкающем ни на миг,
 Сбросил с сердца проклятье улич,
 По-иному взглянул на мир!

НОВЫМ ПЕРОМ

Изведавший сотни капсапов и им,
 Я морду не заделу.
 Ответу друзьям, замечанию изм
 В моем «От пера» к перу».
 Нам важны в борьбе не на жизнь,
 а на смерть,

Не поэзия, — а лезвие,
 И можно в любой, подходящий размер
 Вложить содержание свое.
 Не струсив под'емом крутых и витых,
 Вчеру лишь покинув изза,
 Сегодня в культуру «святая святых»
 Вхожу, не сорвавшись назад.
 Пусть гни ошибк висят на ногах
 И часто дают себя знать,
 И смотрит с явственней на шаткий мой шаг
 Литературная знать.
 Пусть пальцам, ломающим замки, не легко
 Привыкшему к перу и труду,
 Блатное плечо отпавшему далеко,
 Я с новым на стройку плечу.
 И если на стройке вредить будет враг,
 Я, вставший в писательский строй,
 На него испробовал кончик пера,—
 Проверю, насколько остро.

П. Железнов

Студент редакционно-издательского института.
 В прошлом — беспризорник

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Ник. Добровольский

В книге Железнова «От пера» к перу» собрано до двадцати отдельных стихотворений, отрывков и незаконченных поэм (результат трехлетней работы).

Железнов с невинностью описывает свое прошлое, прошлое молодого поэта, лишнего человека. Блудный быт тагодег над ним, поднималось желание начать трудовую жизнь.

... А здесь новых дней пожар,
 Клокочущий радостью быт,
 ... Тоскуют по работе руки,
 Качает голод, как вино.

Импералистическая война, разруха, голод оставили после себя тысячи таких же, каким был в прошлом Железнов. Простариат Советского союза открыл перед каждым бывшим «социально-опасным» дорогу творчества и труда.

И подаром Железнов заявляет:

... Буржуи давно бы
 Меня распознали
 Иль бросили гнить, как отброс.
 Но в новой стране
 Среди грохота стали
 Иначе ржут вопрос.

Так Железнов становится нужным строительству человека. Теперь для него «звезд стал рдобей, чем звезды».

Тематику первых стихов и поэм Железнова обусловили та обстановка и среда, которые крепко держали его раньше. И это вполне понятно. Но когда Железнов успокоительно заявляет:

... О другом кругом поют другие,
 Чьим приворот не была намель,
 Я, проведший дебри городские,
 Вправе неть о том, что близко мне,

то мы не можем не усмотреть в этом попытку задержаться на «блатной» тематике.

М. Горький сказал по поводу творчества одного бывшего беспризорного, сильно дорожащего такой тематикой, непрерывно ее варьирующего:

«Видеть себя оторванным от действительности, поставившей тебя на ноги, это значит не видеть ни себя, ни действительности. Это должен помнить и Железнов».

П. Железнову, растущему и крепнущему поэту, необходимо отбросить раз и навсегда сдвинувшую романтику и идеализацию «блатной» жизни, от которой у поэта еще остался примитивный и однобокий взгляд на папи заводы,

фабрики, которые, по Железнову, только тем и необходимы нашей стране, что:

... Гонила бывшего городского
 Из всех углов стальной мешалой,
 Завод у торем вырывает вора
 И беспризорных — у колодез.

Железнов должен воспитать себя в духе марксистско-ленинского мировоззрения, без которого немислнм его дальнейший творческий рост.

Было бы большой ошибкой не видеть в сборнике серьезного передела как в самом выборе тем, так и в подходе к ним, хотя груз «блатного» прошлого и пассивное констатирование достижений сегодняшнего дня еще дозвект над поэтом.

В стихотворениях «Прогуляшки», «Под шум пропалаеда», «На курорте» П. Железнов смело подходит к новой для него тематике и начинает брать материал трезво, реалистично, не утрачивая при этом поэтического напряжения стиха.

Активное участие поэтическим творчеством в практике рабочего класса, строящего социализм, вооружение ленинским мировоззрением — вот что поможет Железнову освободиться от «блатного» прошлого и даст возможность дальнейшего правильного творческого роста.

Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, — тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества

(Ленин. «Задачи союзов молодежи»)

Не ослаблять борьбы с контрреволюционным троцкизмом

Оппортунизм пытается... пролезть сейчас в наши ряды, прикрываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе, пытается проникнуть в щели и в особенности пытается влезть через ворота истории нашей партии

(Каганович)

Рис. Б. П.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущий борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых „литераторов“ и „историков“ протаскать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам, должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами.

(СТАЛИН)

(Продолжение)

КУДА ТЕЧЕТ ЕНИСЕЯ

Люди и багаж уже на самолете. Уши заложены ваты. Небольшой моторный катер вывел самолет на самого узкого места захода. Воздушный корабль пригтовился к взлету. Каждый занял свою позицию. Впереди, в носовой кабине, поместился летчик, за ним — два пилота в пилотских кabinах, у моторов — Побежников и в кормовом отсеке — участники перелета.

— Давай кормово! — крикнул Страубе, чуть прихватив с сидения.

— Даю задний! — ответил Побежников, и сначала медленно, будто нехота, завертелся кормовой винт, со свистом разрезая утробный воздух.

Самолет зарулил к выходу из затона на просторе Енисея. И когда показался Енисей, зарохотала вдруг сразу оба мотора самолета, и два винта заплели громогласно, заглушая все остальные звуки густонаселенного города.

Перегруженная горячим машиной долго бежала на отрыв, забаламутив, вспенив огромную реку.

Небольшой вираж над городом, и мы пошли на Север, куда течет Енисей.

Небо было пасмурно. Засяп, под нами, где некогда шумела леса, еще недавно охотились красноярские старожилы. Но повисла леса человек, сделав Красноярск городом ветров. Мы летели над безлесым Енисеем. Летчик прикинул, сбывая большой угол свисти Сухопутника.

— Вместе со мной в ставке сидел на челноке профессор-оленьевод, знаток Севера, Кершлиц. Он детел для работ на крайнем севере Енисея.

— На шаре лететь приятнее, — писал мне профессор в воздухе.

— А вы летали? Куда? Откуда? — спросил я запиской.

От треска моторов не слышно было даже собственных слов. Мы открывали рот и оставались немые.

— Лет сорок назад, в Одессе, на воздушном шаре, с одним итальянцем, за двадцать пять рублей, — ответил мне профессор.

— Куда?

— Недалеко. Спустился километрах в сорка или пятидесяти от Одессы. Мы слышали на воздушном шаре все, что творилось внизу под нами, и в это время совершенно не ощущали ветра, потому что неслись с его скоростью. Нам казалось, что в воздухе полный штиль.

Всколыхнулась, взбурлилась под нами бурная вейка. Черными, желтыми и красными квадратами прикинул полоски пасшен.

На узком извилистом притоке Енисея раскинулся небольшой поселок.

Не видать Енисея, мы ушли от него далеко. Тяжелая морская машина летит сейчас над сушей.

— Где Енисей? — спрашивает меня запиской сосед.

— Направо, — отвечаю я.

В третий раз я покрываю уже на самолете расстояние Красноярск — Игарка.

Самолет падает на правое крыло и виражит поближе к Енисею. На горизонте видна узкая желтая полоса, но мы идем не на нее, не туда, где светит солнце. Нам путь — на Север, закрытый сейчас половолокой хмары, к пескам, скалам, к лесотундре и тундре, на факторию Гыдымо, в Карское море.

Мой сосед еще хватается с непривычки за стойки во время виража самолета. Но он скоро привыкнет, освоится с ирвыми машинами — победительница воздуха — и будет сидеть спокойно, что бы ни делал пилот, поправляя лет корабля.

Не видать Енисея! Но туман, подлинившийся над ним, расчертил ваты в небе его дорогу. Облачная дорожка в небе повторяет путь Енисея в каньих и песках, и этот облачный путь виден недалеко.

Побежников летит к моторам, и сразу громче зарокотала машина.

Мой сосед харчит колючую снедь и беспощадно расправляется с витаминными — огурами и помидорами. Напрасно я пишу ему предупредительные записки о том, что — неприкосновенный запас. Остаются только последовать его примеру.

Облака остановились, будто заснули, на поднявшихся берегах Енисея.

— Не бросайте ничего из аэроплана! — предупреждает запиской Побежников людей в кормовом отсеке.

Моряки на пароходах, а летчики на воздушных кораблях не любят пассажиров. Их, собственно говоря, и не за то любить. На морском или воздушном корабле во время качки они делают одно и то же. Морская болезнь на море и воздушная — в воздухе вынуждают многих пассажиров отдавать концы, травить, ликвидировать ранее времени принятую накануне пищу.

И Побежников, который любит порядок и чистоту в машине, всегда и неизменно любезно выставляет новичкам ведро на всякий неприятный случай.

Опыт над лесом прилет туман, расстелив свое мохнатое покрывало. Местами за ним не видно ничего. Мы проходим сейчас самые узкие места, где невозможно посадка на реку, а по каменистым берегам старожилки, словно выжидая добычу, островерха, теньюзелая тайга.

Чуть теплится свет из сумрака неба. Это далеко за облаками ползает солнце.

Ведет корабль Страубе. Его вахта. Склонив голову в кормовом шлеме на гаргорт, спит командир Липп. Промелькнул Маклаковский лесозавод, а самолет все мчит над тайгой и Енисеем. Вон забелели дома на берегу.

Это — Енисейск!

Мы низко кружим над городом, собирая все его население к набережной Енисея — посмотреть на воздушного гостя.

Самолет кружит над городом, выбирает лучшее место для посадки.

Мягкий удар задним реданом по воде, и мы плавно скользим к берегу, где стоят бочки горячего для самолета.

Сюда бежит вся толпа с набережной. Воздушный корабль «Комсомолец 2» по-

крыл расстояние Красноярск — Енисейск, свыше четырехсот километров, в два часа.

На несудей плоскости воздушного корабля — весь экипаж. Подняли капот и смотрят в носовой отсек. Что-то случилось!

— Машина сегодня никуда не полетит! — вдруг заявляет командир. — В воздухе горел один клапан носового мотора, остальные клапаны пропусают. Ремонт отнимет не менее суток. Придется ночевать в Енисейске. Сменим клапаны и тогда посмотрим, сможем лететь или нет. Носовой мотор барахлит.

НОЧЕВКА В ЕНИСЕЙСКЕ

Мы устроились на ночлег в пустой конторе лесозавода Комсомлерту. Двухдверный шкаф вытесил, как паровоз, свои своим никелевым покровом. Не в столе раскиданы комки хлеба и всякой снели. В несколько минут просторная комната превратилась в самую настоящую харчевню, где было дымно, грязно и накурено.

На полу разложили опичные полушубки — это были наши походные постели.

— С носовым мотором плохо, — заявил командир Липп. — Я вам должен сказать, товарищ Лавров, что положение очень серьезно и что у нас в военной авиации не допустили бы летать на таком самолете. Четыре клапана в носовом моторе пропусают, направляющая втулка клапана разболталась! Новые винты ни к чорту не годятся и придется их заменить старыми в Игарке. Я старым верю больше новых. На новых последела краска, и они так плохо сцентрованы, что получается тряска моторов. У нас в военной авиации тех, кто летает на такой машине, и тех, кто посылает такую машину на работу, отдают под суд.

— Скажите, вам очень нужно на Север? — спросил вдруг Липп.

— Я вас не могу заставить лететь на неисправной машине, — сказал Лавров. — Но на Север я все равно поеду. На дожде ли, но бое — все равно поеду на Север. Я могу рисковать только собой, но не вами.

Липп отошел от Лаврова к летчикам. Воздушники стали совещаться.

— Тек мы летим или не летим? — спросил Лавров подошедшего снова Липп.

— Клапаны пропусают! Возможен пожар в воздухе! Может вспыхнуть горячее! Как командир и сделал нас в известность о состоянии самолета. Однако мы решим лететь!

— А как нам держаться во время пожара?

— Сидеть спокойно.

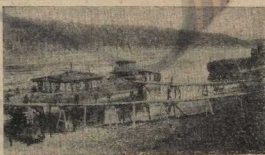
— А мы не можем вам чем-нибудь помочь?

— Сидите спокойно и ждите посадки, — сказал Липп.

— Не долетит ли мы до Игарки?

— Думаю, что долетим.

— А на Север?

Енисей близ порога

«Комсомолец 2» в Гыдымо

— Гарантировать не могу. Полет до Игарки покатит.

Летная машина была порвана в боях за освоение необжитого Севера. Точка лодка самолета, хвостового ступа, подкались, подогнулись правые стойки, подерживавшие моторы. На одну из стоек, которая подогнулась сильнее, был наложен стальной бандаж. А теперь садовая носовой мотор.

— Ну, мы достигли до Игарки, попадем на Диксон, и, и не откатится вдруг работать носовой мотор? Ведь придется же заморозить машину, придется ей зимовать в неадекватном месте,— горлового одного из участников полета.— Не думаю, я отправил машину сейчас же на зимовку в Красноярск? Ведь носовой мотор негоден, и в военной авиации на таких моторах не летают!

— Мы достигли до Игарки, побываем на Диксоне, облетим Север и вернемся в Красноярск на зимовку,—исключи — с места пилот Страубе, самый молодой и горячий воздушник.— Не на таких моторах летают! Не так еще чухали и свистали моторы. И ничего! Сами цели и машин не угробили.

— Во всяком случае, никто из нас не хочет дожить себе пши,—сказал бортмеханик Пobjежиков.—Садясь в самолет, мы каждый раз твердо уверен, что взлететь хорошо и слетать как следует, выполнив задание на сто процентов. Мы, если хотите знать, можем на Крайний север летать и без двух клапанов. Но машину зимовать не оставим на произвол судьбы. Надо позвать психолога авиационных людей. Надо позвать человека машины не бросит. На плыву, как гласеер, но уйдём на Карское моря, хотя бы на одном моторе.

— Я ничего не боюсь в воздухе. Мне многое пришлось повидать за свои летные годы,—сказал Липп.—Но пожар в воздухе—штука неприятная.

Усталость взяла свое, и, раскидавшись на подушечках, участники полета заснули тяжелым сном, буда друг друга стопами и вскриками.

— Гривал! Проверь огнетушители,—сказал Липп Пobjежику, проснувшись раньше всех.

Никто не был уверен в возможности продолжения полета на Север. Не угадал один только Страубе, и порой казалось, что даже верхом на пальце этот пилот возьмется облететь Север, если будет только дано соответствующее задание.

— Пора вставать!—сказал громко Липп.

В окна глядело серое раннее утро. Стекла окон запотели, и в комнате было так же холодно, как и на дворе.

— Ко мне подошел Липп.

— Мы достигли до Игарки! Мы полетим на Север! Мы сами исправим мотор!

Лавров предупредил профессора Керцелли: — Сергей Васильевич! Машина наша стала ненадежной. Сделай носовой мотор. Возможен пожар в воздухе. Полет опасен. Решайте сами вопросы: если не хотите лететь,—мы доставим вас обратно в Красноярск.

— Мне уже шестьдесят лет,—сказал профессор,—я достаточно пожила и не претендую на бессмертие. К тому же, я немножко и восточный человек. Кисмет! — ответил по-восточному профессор.

— Кисмет! Судьба! Я полечу!—повторил Керцелли.

— Бычков! Вы летите?—спросил Лавров другого пассажира.

— А вы?—спросил Бычков.

— Лечу.

— Ну, и я полечу!

И мы все пошам на самолет.

«КОМСЕВЕРПУЛЬТЪ» ПРОДОЛЖАЕТ ПОЛЕТ

— Будем ли мы пробовать моторы перед полетом?—спросил Страубе командира.

— Садим все на самолет и попробуем в воздухе; если будут тнуть,— пойдем в Подкаменная; забарахлит—снизимся в Енисейске,—отвечил Липп.

На лодке мы подошли к самолету.

Докурены последние папиросы на жарбе гидроплана, и люди полезли по своим местам. Мы тяжело побежали на отрыв, как бежит человек, страдающий одышкой, у которого не в порядке сердце. Вода перекачывалась, вся в пене, через жабры, и за кормой воздушного корабля оставался длинный пенный след. Ветра не было, и самолет не мог оторваться от воды, несмотря на то, что Страубе давал ему полный газ и так вертел элероны вверх и вниз, что, казалось, вот-вот они отвалятся от несущих плоскостей.

Но ничего не помогало. Пять раз мы бежали, окутанные пеной, по зашпиглевшему Енисею, и пять раз пилоты возвращали самолет в исходное положение.

Видно было, как воздушники сняли шлемы, выростили вату из ушей и Липп вылез на жарбу самолета.

— Машина перегружена,—сказал командир.— Придется откатить здесь одну бочку горячего. С полным грузом нам не оторваться! Правда, носовой мотор прибавил пятьдесят оборотов,—весом тысячи трехсот он показывает теперь тысячу триста двадцать,—но до пятисот ему еще далеко.

— Давай пустую бочку к самолету!—крикнул на берег Липп, сложив ладони трубочкой. Начался перекачка бензина.

Народ, собравшийся на берегу в ожидании отлета, следил за нами с нарастающим вниманием.

— Грохнутил!—замечил один седобородый старик.

— Моторы у них фальшивят!—замечил молодой енисеец.

Стоя в бочковом отделении, Пobjежиков открывал бочку бензала маленькой рукояткой насоса, и каждый из участников полета смеялся другому в этой срочной работе на воздушном корабле.

Мы отделили из Енисейска ровно в полдень 10 сентября. Черта крылом почти по талому песку, гидроплан пошел на равнорост. Тянуло вниз, не набирая высоты. Два юго-восточный, полуплутный ветер. Слева горизонт был закрыт толстой ложди, она вела, как занавес в Московском художественном театре, и так же, как там, здесь, на этом сером фоне, пролетела белая и оловянка чабля, которую испугнул самолет. «Комсеверпультъ» вошел в сильную полосу дождя, будто в туман. Казалось, что не будет просвета в этой хляби небесной. Но летать было виднее из носовой кабины, и действительно, минут через пять дождь будто бы раздвинуло, и далеко-далеко на горизонте показались узкий голубой просвет. Мы полетели на него, как на огонек летит поичке, кофейного света, бабочки.

— Где-то мы заночуем сегодня?—подумал я и увидел, как из люка бочкового отделения высулался бортмеханик и, весело улыбаясь, показывал мне большой палец. Это значило, что передний мотор тннет хорошо.

На миг выглянуло солнце.

Прямо под крыльями в обратную сторону от нашего курса тнют быстро дымчатые облака.

Нас нередко подбрасывает воздушная кач-

Забораб разнавывает убтого талана

ка, воздушные течения то поднимут, то бросят вниз самолет. Летать прият и режет тай-га, оставив в стороне красавец-Енисей.

— «Петровский» снялся с мели,—пишет мне сосед.

Я высовываюсь из люка кормового отсека и вижу паровоз с двумя баржами.

У «Петровского» бурит под носом,—значит «Петровский» идет.

Пobjежиков полет в кабину к пилотам, очевидно сообщает какую-то новость. Затем он снова показывается в бочковом отделении и ложится спать на баки с бензином. Очевидно, он предупредил летчиков о том, что ложится отдыхать и что моторы тнют.

— Какое просто! Какие лезут! Трудно примириться с сидячей жизнью в Москве,—пишет мне сосед.

Недолго сон Пobjежикова. Он встает, садится на бак и смотрит своими голубыми глазами наверх, где стучит аварийный мотор. Он разбудил механика неровным шумом, и Пobjежиков лезет наверх по узкой лестнице.

В густой тайге раскинулись холмы и горы. Изредка мелькнет равное пятно болота. Сквозь разорванные облака вдруг проглянет ясный день и снова скроется, будто испугавшись туманного потока.

Не спит Пobjежиков. Он сидит на баке и по-журьяльному вытнвает шею, прислушиваясь к шумам носового мотора—изменился. Но усталость скрывает бортмеханика, и нет-нет он закрывает на миг свои отяжелевшие голубые глаза.

Липп полуобнурил к корме и машет мне рукой из пилотской кабины.

Выглянуло ядрог солнце, и засветился пропеллер, будто колесо экипажа.

Профессор Керцелли, свернувшись калачиком, спит на брезентовом мешке. Мой сосед снова харчит витминички. А самолет запонзает в дымчатые облака над самой тайгой. Величественная и необаянная, она застала нас в желтый палис огнени. Гектары лиственных деревьев утеряли свой нарядный зеленый шпел, сменив его на желтый или яркороксий. Но хляб попржежнему тует зеленел куртинами.

На-за бабина не чувствуете одурманяюще-продатного запаха тайги.

Под нами—скалы шпек каменных, высоких берегов Енисея, тас об, зматый в камнях, течет быстро по узкому лесу.

Вон и «Корабик»—два причудливых остропа посреди Енисея. И вдруг—туман. Все закрыло, ничего не видать. Вот если вдруг вынужденная посадка!

Страубе падает на правое крыло, затем выравнивается, и мы тннем вперед, на Север.

— Виден большой паровоз,—пншу я своему соседу.

— Это «Сталтин»! Он берет рыбу в Подкаменной Тунгуске. Сейчас будем садиться. Я смотрю на часы. Пятьсот шестидесяти километров воздушный корабль пролетает за два с половиной часа.

(Продолжение следует)

О четырнадцатилетнем парне с кимовским значком на груди

Б. ДУБАХ

рис. ФАДЕЕВА

Может с последним,
а может быть, —
с первым

Снарядом,
шарахнувшим
по кирпичням,

Ты доктору
крик свой
младельчески-первый

Как право,
как ордер,
Как орден вручал.

Но доктор не чуя
ни славы, ни чести —
Его профессиональный подход

К новорожденным
далек был от лестя.
Он знал, что младенцы —

скучнейший народ,
Который по ритмичным
дней и событий

Нормальным,
эволюционным путем
Пройдет через жизнь

по незелой орбите
На месте вращающихся
веретен.

Октябрь крепчал,
крепчала
погода...

Зима приближалась —
и Зимний
дрожал

От грохота залобы.
От залобы походов
Качались

державы
в руках
у держав.

История
бывалась
под стяннутым френчем

Сердцами усталых
сверхсрочных солдат.
Истории —

не до беременных
женщин,
лягам костей...

Но доктору —
не до трагических
дат.

Ворвавшись
в покой кабинета
аллейный,

Их звали
его ухо привычное
звля,

Не знал он,
что ты —
индивид поколенья,

Которое сминит
личину земли.

Кто знал,
Что при свечке
(опылившей, сальной),

Дрожавшей,
как трус,
дрожащий,

как лист,
появился застрашный
ортодоксальный
Диалектик-

материалист.
Ты помнить
не можешь,

как стлыло
и мерзало

Тело твое.
Как под граем ворон,
По проводам

вадрывался «М.О.Р.З.Е»
Со всех
четырех

фронтных сторон.
Ты помнить,
не можешь,

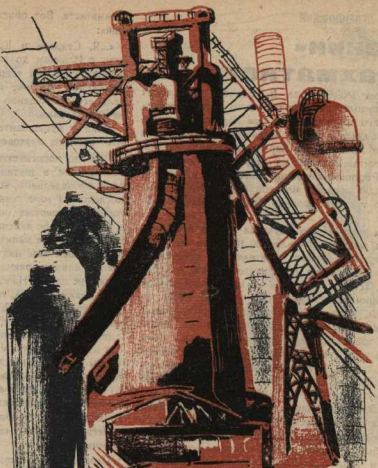
как смена
плакатов

Вещала
о смене
эпох

и властей...
Шарахались с ветром
на запад, к закату

Мундиром,
набитые
лягам костей...

Теплушка
и сдвая поросль
дыма,
И редкая поросль
смятых полей,
Люди
напиханы
и незлодими,
И ты —
в незлодном
скопленьи людей.
Был в центре теплушки
чугунный
«спаситель».
Корявый матрос,
прерывая ругню,
Внятно сказал:
— Отодвиньтесь,
Бабу с ребенком
пустите
к огню.
И люди в теплушке,
как ныне в трамвае
С передней площадки
пускают ребят,
Пустили,
от жара
тела раздвигая,
к чулунке
мамашу таю и тебя.
А после —
в чад
заводского квартала
Ты рос,
как над взморьем
растут паруса.
И вместе с тобою
страна выростала,
История
тобой
и с тобою
росла.
Хорошо песней
и словом умелым,
Во время работы,
во время походов,
Сегодняшним,
в завтра нацеленным
делом,
За партой
и в радостном реве
заводов,
В творческой
гордости
и озарении,
С тебя не спуская
заботливых глаз,
Вял
твое чувства
и мировоззрение
Р-а-б-о-ч-и-й
к-а-а-с-е.
В коротких штанах,
не замерзнут колени,
И галстук багряный
не сдвинет кадык.

Сегодня, товарищ,
твое поколение
Дает комсомолу
свое пополнение,
Значок надевает
и входит
в ряды.
И входит в ряды,
и приносит с собою
Такую,
которую
стоит принести —
Налитую солнцем,
готовую к бою,
Горячую,
звонкую,
звездную
песнь.
Про тех, кто родился,
про тех, кто родится,
Про тех,
кто для нашего дела
годится.
Кто рос,
распрямляясь
под яростным
солнцем,
Кто был
пионером
и стал
комсомольцем.
Про тех,
кому нынче
четырнадцать лет,
Кто
ленинский
нынче
получит
билет.
Шарахайся,
славяния,
светлая
песня —
На звезды,
На Мурманск,
на полюс.
Крепя
молодых голосов
коллектив,
Над маршем,
над морем,
над миром
лети!

Ленин-шахматист

Зима 1889/90 года. В Самаре происходит шахматный турнир-турнир. В числе участников это такая личность, как Хардин. В то время не было в России шахматистов, не игравших этого имени. Вель Хардин вполне справедливо считался одним из сильнейших шахматистов России, соперником Чигорина, стоявшего в рядах лучших игроков мира. Победителем этого турнира выходит Владимир Ильич Ульянов.

Владимир Ильич научился играть в шахматы в возрасте 8—9 лет. К 15 годам он начал обгрызать своего учителя-отца, большого любителя шахмат и сильного игрока. А через пять лет он встретился за шахматной доской с самим Хардиным. Силы, конечно, были неравны. Хардин был прекрасным теоретиком, исследователем ряда дебютов¹⁾, имел более чем тридцатилетний шахматный стаж. Противник же его являл лишь 2—3 наиболее известных дебюта. И все-таки Хардин был немалым сильнейшим: он давал Владимиру Ильичу лишь пешку вперед²⁾.

«Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро справиться с ним... и пойти дальше, если бы он серьезно занялся шахматной литературой, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алазакее, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и умственных силах он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной. Это несомненно...», — пишет брат его, Дмитрий Ильич.

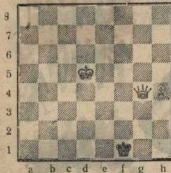
Но Владимир Ильич не ставил шахматы выше всего. Они были для него лишь развлечением, отдыхом, сокращающим и подготавливающим силы к другой, более серьезной борьбе.

Он с одинаковым увлечением играл в шахматы, в городки, охотился и купался.

Ленин не только хорошо играл в шахматы, он любил решать и шахматные задачи и этюды. Вот, например, этюд и задача, которые он решил. Они далеко не легкие.

Задача № 40*

О. Вюрцбург (Америка)

Мат в 3 хода.

* Эти задачи и этюд входят в наш 4-й конкурс решений, начавшийся в 1-м, следующем номере.

«А вот в «Чехии» увидя сегодня этюд, который решил не сразу и который был очень понравился. Бельше почитать и выигрывать. Красивая штука!» (из письма В. И. Ленина к брату).

В ссылке и в эмиграции Ленин много свободного времени отдавал шахматам. Его постоянный партнер Лепешинский в книге «На повороте» очень много рассказывает о Ленине.

¹⁾ Дебютном называется начало партии.

²⁾ Т.-е. играл без одной или двух пешки.

шахматист. Вот описание одного из «сражений»:

«Я, Старков и Крайновский стали играть с Ильичом по совещанию. И, о счастье, о восторг! Ильич «срейфайл». Ильич терпит поражение. Он уже потерял одну фигуру, и дела его совершенно неважны. Победа обеспечена за нами.

Рожи у представителей шахматной «антанта» — веселые, платовские...

Они зло понамевают над добываемым противником и в шутилой болтовне выражают свой неподалейный восторг, смакуя удачные последствия того гениального хода белых; «который для черных оказался весьма роковым, а между тем не замечают того, что полубрашно, но еще не капитулировавший враг сидит в заставшей позе над доской, как каменное название, олицетворяющее сверхчеловеческое напряжение мысли. На его огромном лбу... выступила капля пота, голова низко наклонена к шахматной доске, глаза неподвижно устремлены на тот угрозок ее, где сосредоточен был стратегический главный пункт битвы... Цель жизни в данную минуту заключалась в том, чтобы не поддаться, чтобы устоять, чтобы не признаться себя побежденным. Лучше умереть от кровоизлияния в мозг, а все-таки не капитулировать, а все-таки выйти с честью из затруднительного положения...»

Легкомысленная «антанта» ничего этого не замечает.

Первый забил тревогу ее лидер:

— Ба, ба, ба, это что-то явно непредвиденное... — голосом, полным тревоги, реагирует он на сделанный Ильичем великодушный маневр.— Гм... гм... — це дело треба розкувати, — бормочет себе под нос...

Но узлы, развязывать нужно было раньше, а теперь уже поздно. Дважды-третью стигмичными ходами упорный противник «антанта» под шумок ее преждеряженного ликования создал

Хорошее начало

(О книжке «В. И. Ленин и шахматы», М. С. Когана. ОГИЗ, «Физкультура и туризм», 1932 г., стр. 48, цена 25 коп.)

Советское шахматно-шахедное движение еще совсем недавно было узкоспециальным, оторванным от общенациональных задач, стоящих перед нашей страной. Сейчас этого нет. Шахматы и шахки идут в массы на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах.

Это получается главным образом из-за непонимания подлинной роли шахмат, из-за неумения увязать и подчинить шахматы всем остальным, более важным делам.

До сих пор эти вопросы освещались совершенно недостаточно, и тщательно систематизировал все относящееся к шахматам.

На протяжении 42 страниц этюд хорошо изданной книжки рельефно выступает образ Ленина—борца, мыслителя и человека.

В воспоминаниях его родных и друзей ярко скрывается отношение Ленина к шахматам.

Каждый молодой шахматист должен прочесть и продумать эту книжку. Удача этой

книжки ясно указывает нам область, на которую должно быть обращено внимание шахматных литераторов и исследователей.

Нужно заняться описанием шахматной жизни Маркса, большого любителя шахмат, и других руководителей мирового пролетариата. Показ их отношения к шахматам лучше и нагляднее всего убедит, что эта игра-творчество должна стать достоянием широчайших масс трудящихся.

Книжка Когана—удачное начало этой серии.

После революции Ленин почти совсем не играл в шахматы. Гигантская борьба за первое в мире социалистическое государство не оставляла времени для шахматной борьбы.

«Все сила его ума, все его огромная воля мобилизованы полностью, без остатка, для победы во что бы то ни стало. Его великолепно устроенная голова непрерывно работает... над своего рода шахматной проблемой». Вспоминается в эту минуту. Вот он выдвигает перед пешечную демократию против шугалея отечественного капитализма. Вот «делает гамбит», соглашается на брестскую жертву. Вот производит неожиданную рокировку—центр игры переносит из Смольного за Кремлевские стены. Вот развертывает силы с помощью Красной армии, красной конницы, красной артиллерии, обороняется, защищает результаты сланных завоеваний, а если возможно, то и нападает. Вот «заминиет» противника—выбрасывает идею коммюне. Вот как было отступать и делает чреватые последними «тихие ходы» — идет на соглашение с крестьянством, обдумывает план электрификации и т. д. Вот проводит пешки на ту линию, где они обращаются в большие фигуры — через аппараты советских и партийных организаций подготавливает из рабоче-крестьянской среды новую интеллигенцию, крупных администраторов, политиков, творцов новой жизни. И... весь мир будет потрясен финалом игры: ильинское «шах и мат» по адресу капитализма положит конец «игре», которую будут тщательно изучать следующие поколения на протяжении сотен и тысяч лет...

Книжка Когана—удачное начало этой серии.

ХУДОЖНИК РОБЕРТ ЧЕРНЯК

6 января 1932 г. умор активный сотрудник „Смены“ Роберт Михайлович Черняк

Сын врача, интеллигент по происхождению, тов. Р. Черняк с первых шагов своей сознательной жизни принадлежит к той сознательной интеллигенции, которая всецело оплала себя служению революции, которая всюду и всегда борется в первых шеренгах пролетариата, руки об руку с партия.

Киев, Москва, Красная армия. «Пролетарская правда», «Комсомольская правда» — вот прошлая историко-географическая схема жизни и яркого творчества Черняка.

Проработав в качестве карикатуриста около пяти лет в Киеве, он в 1929 году приезжает в Москву. Знает Р. Черняка ожидает самый блестящий прием со стороны центральной прессы. Во всех редакциях газет, начиная с «Нашей газеты» и кончая «Известиями», он чувствует себя общепризнанным и желанным боевым сотрудником.

С первых же шагов он занимает по праву одно из первых мест в ряду лучших карикатуристов красной столицы.

Неслучайно Р. Черняк связывается всерьез и надолго с «Комсомольской правдой». Необыательно было видеть, как неустойчивый Роба (так звали тов. Черняка в «К. П.») работает в редакции, как легко и в то же время напряженно бегают его карандаш по бумаге, как страстно втягивает он своей несколько экзотической черной шевелюрой, как шипро скрипит его перо с черной тушкой, как буквально лихорадит его письменный стол... Достаточно вспомнить его рисунки, полные огня, искренности и молодого затора, чтобы понять, что т. Черняк был прежде всего художником молодежи, комсомольским по духу, по темпераменту.

Здесь, в «Комсомольской правде», он рос на дрожжах ее энтузиазма, рос не по дням, а по часам, рос в сторону политической зрелости, классовой нетерпимости, комсомольского энтузиазма. Сравните его последние рисунки в «К. П.» с его первыми московскими «дебютами», и вы увидите, как он, преодолевая в своем творчестве элементы незлобиво го-

ра, легкого «смехачества», все больше твердо становится на путь подлинной большевистской сатиры, подымаясь в отдельных вещах до высот исключительно революционного пафоса. Роберт Черняк неумоимо совершенствует свою технику, находит свой стиль. Несмотря на сравнительно короткий срок его работы в Москве (3 года), он уже оказывает значительное влияние на ряд начинающих карикатуристов.

Но Р. Черняк дорог нам не только как талантливый художник, автор огромного количества злободневных карикатур, как определенный тип боевого, оперативного работника газеты, но и как личность новой, советской формации.

Энтузиаст-общественник по натуре, он никогда не отрывался от общественной жизни. Он жил, дышал самыми широкими общественными интересами. Личное, узкопрофессиональное всегда стояло у него на втором плане. Свою жизнь и работу он расценивал исключительно в плане борьбы за воплощение социалистических идеалов.

Перед нами встает фигура т. Черняка, жадно проглатывающего все важнейшие статьи в прессе, постоянно посещающего диспуты, выставки, музеи, театры, книжные лавки. Он много читает, много думает, спорит, обсуждает. Он серьезно изучает Ленина. Пролема творческой перестройки для него боевая, насущная задача дня.

С некоторых пор ему не сидится в Москве, он хочет работать где-нибудь на большой высоте. Наконец, наступает желанный день. Он уезжает в командировку с вагоном-редакцией «К. П.» на Уралмедьстрой. Там, на Урале он жадно изучает новую обстановку, новых людей. Р. Черняк много рисует.

Обратный путь. У художника толстая папка эскизов, этюдов, набросков и... температура 40°. Тяжелый недуг призывает тов. Черняка к постели.

Большой художник восторженно рассказывает нам, его друзьям и товарищам по работе, обо всем, что он увидел нового. Он высмеивает тех, кто ищет «свежих» впечатлений в поездках за границу, он бичует журналистов, художников, которые замыкаются в четырех стенах редакции, между тем как вокруг бешено кипит жизнь, новая жизнь колоссальной страны, строящей социализм. Роберт Черняк строит план новых поездок по выздоровлению — в Донбасс, на ХТЗ и т. д.

Увы! Этим планам не суждено сбыться. Болезнь оказывается весьма серьезной. Жизнерадостный энтузиаст-художник прикован к больничной койке...

Р. Черняк, врач по образованию, сознает всю серьезность своего положения, однако он не предается «жалостным мыслям». Он по-прежнему духовно бодр.

В лице Р. Черняка наша пресса потеряла крупнейшую боевую единицу. Что утешает нас в этой тяжелой потере?

Молодые, расцветающее художниковское движение, которое даст нам достойную смену! Рисунки т. Черняка должны быть собраны и изданы альбомом.

Это будет актом увековечения памяти талантливейшего молодого карикатуриста и вместе с тем живым, «наглядным пособием» для растущей новой поросли комсомольских политических художников.

Пушеры в гд в Гуро

В антисоветском тире

Р. Черняк

Несмотря на все трудности, фундамент социалистической экономики в нашей стране создан, коренной ленинский вопрос «что это» решен против капитализма, в пользу социализма

Зам. отв. ред. И. Оспов.

Сдано в набор 2/II; подписан к печати 14/II.
Формат $1/8-72 \times 110$ см. 2 бум. л. 166948 зн. в бум. листе. Изд. № 4 Тираж 86800 экз.
Уполномоченный Главлита № В-17861 Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.